

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ГОД 1914-й

ДО ПЕРВОГО ЛИСТОПАДА

Чудо под Танненбергом

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

В закоулках Мироздания - 13

Александр Борисович Михайловский
Юлия Викторовна Маркова
Год 1914-й. До
первого листопада
Серия «В закоулках
Мироздания», книга 13

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Лето четырнадцатого года, канун Первой Мировой Войны. Все участники грядущей бойни уверены, что война будет стремительной и победоносной, причем исключительно в их пользу, а потому радостно роют яму, в которой упокоятся миллионы погибших. Но при этом, сами того не осознавая, они строят для себя эшафот. Предупреждения отдельных умных людей тонут в шизофреническом гвалте политиканов и яростном реве толп. Дело теперь за малым: прозвучат выстрелы в Сараево – и в Европе закружится кровавая кадриль.

И в этот критический момент в местную историю вмешивается внешняя по отношению к этому миру сила. Свой меч на чашу весов мировой политики бросает самовластный Великий князь Артанский, любитель стремительных сокрушительных ударов и

окончательных побед – он тот, кто держит ответ за свои деяния исключительно перед Всевышним. Пройдет немного времени – и мир поймет, что ничего и никогда уже не будет таким, как было прежде...

Содержание

Часть 49	5
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Михайловский, Юлия Маркова Год 1914-й. До первого листопада

Часть 49

**Шестьсот сорок пятый день в мире Содома. Утро.
Заброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.**

**Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь
Артанский.**

На дело с Францем Фердинандом я решился с превеликим скрипом. С одной стороны, я чувствовал, что сохранение жизни этому человеку принесет в ближайшем будущем немало положительных моментов. С другой стороны, риск был ужасный, ведь если этот исторический персонаж не выживет, меняя тем самым историю, то и последующие порталы, вплоть до момента коренного перелома обстановки, можно будет открывать только в непосредственных окрестностях Сараево. В таком случае придется снять с якоря «Неумолимый» (чего я отчаянно не хочу делать) и организовать желающим повоевать господам европейцам (а это в

основном англичане, французы и австрийцы) небольшой локальный Армагеддон. Но размахивать кувалдой там, где требуется тонкая ювелирная работа, как-то не комильфо, так что две недели, остававшиеся нам до событий в Сараево, мы провели за тщательной подготовкой плана операции «Один день в Сараево».

Все должно пройти так, чтобы и эрцгерцог выжил, и повод, позволивший престарелому мизераблю Францу-Иосифу развязать войну по схеме Основного Потока, тоже нигде не исчез. Моя энергооболочка, едва сунув в тот мир свой нос через просмотровое окно, сразу заявила, что грядущей большой войной там не просто пахнет, а откровенно смердит. А ведь еще даже не прозвучали выстрелы в Сараево, не говоря уже о первых артиллерийских залпах под Белградом, когда австрийская артиллерия с левого берега Дуная будет обстреливать сербскую столицу. Впрочем, если война не полыхнет в Сербии, роковой инцидент случится где-нибудь еще, но Великой Войне – непременно быть. Ее, будто девушку в жемчугах, хотят все. Британия желает ограничить рост германского могущества на морях, Франция – вернуть Эльзас и Лотарингию, Россия – смыть кровью позор неудачной русско-японской войны, Австро-Венгрия – стереть с лица земли непокорных балканских славян, а Германия жаждет получить свободный доступ к морям, преодолев британскую морскую блокаду, а также обрасти бескрайнее жизненное пространство (лебенсraum) на Востоке. При этом Бри-

тания надеется сделать все чужими руками, Германия будет полностью готова к войне после 1918 года, Австро-Венгрия – никогда; Франция считает, что война нужна ей немедленно, а Россия некритически следует пожеланиям Франции, поскольку целиком зависит от нее политически и экономически. И никто пока не подозревает, какими реками крови и морями слез обернутся эти обычные, казалось бы, желания.

При непосредственном планировании операции самый первый вариант, с наложением на сладкую австрийскую парочку заклинание регенерации, предложенный Димой Колдуном, мы отвергли почти сразу. Конечно, это решило бы все проблемы, потому что убить австрийского эрцгерцога в таком случае можно было лишь из пушки. Но при проведении такой операции, продолжающейся от пяти минут до получаса, клиент должен лежать перед Колдуном тих и неподвижен, а не просто пребывать в пределах его поля зрения на расстоянии пары десятков метров, мельтеша между другими людьми. Если бы Франц Фердинанд и его супруга, прибыв на поезде, сперва заночевали бы в гостинице, то мы бы все организовали по высшему разряду. Команда «всем спать» – и у Колдуна впереди была бы целая ночь. Но, увы, эрцгерцог ринулся под пули прямо с вокзала, не останавливаясь предварительно на постой.

Отвергли мы и идею перед самым покушением наложить на Франца Фердинанда и Софию заклинание стасиса. Тогда мы сохранили бы им жизнь с гарантией, ибо, согласно тео-

рии, пленка остановленного времени способна выстоять даже в гипоцентре ядерного взрыва. Но у этого явления имеются некоторые побочные варианты. Это набросить стасис можно мгновенно, а вот снять его так же быстро не получится. Стандартный срок действия заклинания без режима автопродления – около суток, минимальный – пять минут. Думаю, что окаменевшие, а потом оттаявшие тушки эрцгерцога и его супруги вызовут переполох не меньший, а даже больший, чем само покушение. А нам до битвы за Восточную Пруссию никаких лишних поводов для международных волнений не надо. Пусть все идет почти как обычно, за исключением той малости, что Франц Фердинанд будет жив, а не мертв. Местные даже не заметят разницы, потому что не знают, как должно быть, а мы будем иметь возможность два месяца действовать тихой сапой, и только потом объявить о своем появлении: «Всем лежать, бояться, работает Бич Божий!».

Поэтому я решил пойти на дело сам, прикрывшись личной знатного иностранца, сопровождающего прекрасную даму. Нет не Елизавету Дмитриевну, как можно было бы подумать, и не Анну Сергеевну, а геноссе Бригитту Бергман, которая под прикрытием личины Снежной королевы от мисс Зул превратилась в оружие страшной поражающей силы. До того, как прозвучат выстрелы, все находящиеся на углу в окрестностях Латинского моста, за исключением Гаврилы Принципа, будут глазеть на мою спутницу, и эрцгерцогская

чета не исключение. Потенциальный убийца при этом будет замечен как голый на базаре, ибо он один не будет отвлекаться на созерцание окружающих красот.

28 июня 1914 года, 10:45. Австро-Венгерская империя, Босния и Герцеговина, Сараево, набережная Аппель в окрестностях Латинского моста.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Так мы с Бригиттой и поступили, появившись в соседствующем с будущим местом преступления переулке ровно в тот момент, когда колонна из четырех¹ машин, сопровождаемая кавалерийским эскортом, отъехала от здания городской ратуши, где главный герой зачитывал торжественную речь. Настроение у него было так себе, ибо за час до этого один из приятелей Гаврилы Принципа, некто Васо Чубрилович, уже попытался угостить его бомбой-македонкой, но неудачно. Неудачливый гранатометчик не учел скорость движение авто, а может быть, изначально был до предела криворуким, так что брошенный им самодельный взрывающийся предмет не попал внутрь открытого салона (что гарантировало бы разом четыре трупа). Вместо того самодельная граната упала на откинутый тент кабриолета, изящно отпружинила, после

¹ Изначально подали шесть машин; одна сразу оказалась лишней и была отправлена в гараж, вторая получила повреждения при первой попытке покушения, осталось четыре.

чего разорвалась на дороге перед капотом следующей машины в кортеже. Результатом взрыва стала воронка в дорожном покрытии, диаметром тридцать и глубиной семнадцать сантиметров, ранения двух десятков человек и повреждение одного автомобиля.

От Ратуши до Латинского моста, напротив которого произойдет покушение – метров четыреста. В наше время, с учетом скорости современных авто на городских улицах, это расстояние можно проехать за минуту, а в начале двадцатого века, в частности, из-за наличия кавалерийского эскорта, эрцгерцогский кортеж тащился вдвое дольше. И вот тут начались неожиданности. Из описаний покушения, которые мы смогли найти в библиотеке любезной Ольги Васильевны, следовало, что машину с Францем Фердинандом и Софией обстреляли на ходу, когда кортеж проезжал мимо магазина «Деликатесы Морица Шиллера», что прямо напротив Латинского моста. Но все пошло совсем не так. Когда две первых машины с охраной, раздвигая капотами толпу, свернули с набережной в узкий проулок, из которого мы только что собирались выходить, товарищ Бригитта мысленно сказала мне: «Алерт!», – и потянула влево, почти вплотную к стене. Машина с эрцгерцогской четой, двигавшаяся в колонне третьей, тоже стала поворачивать – и вдруг, затормозив, заглохла, раскорячившись прямо на углу, напротив магазина деликатесов.

И тут я со спины увидел человека, поднимающего извле-

ченный из кармана автоматический пистолет... Первый выстрел Гаврила Принцип сделал от бедра. Насколько я понимаю, это была та самая пуля, которая должна была попасть эрцгерцогине в живот и привести ее к смерти от внутреннего кровотечения за десять минут. Энергооболочка бога войны подправила траекторию – и пуля, пробив дверцу автомобиля, изменила направление полета и угодила в ногу Наместнику Боснии и Герцеговины графу Оскару Потioreку, стоявшему на подножке с противоположной стороны машины. Окрестности потряс громкий вибрирующий вопль. Огнестрельный перелом бедренной кости почти над коленным суставом – очень больно, но не смертельно, а кровотечение элементарно останавливается наложением жгута – не то что при проникающем ранении в живот или разрыве яремной вены и трахеи. Второй выстрел тоже пришлось немного подправить, чтобы пуля попала Францу Фердинанду в ключицу, а не в шею... А уже третий раз пальнуть террористу просто не дали. Народ налетел на него толпой, сбил с ног и принялся яростно топтать.

Поняв, что дело сделано так, как надо, товарищ Бригитта накинула на нас полог отвлечения внимания и, пока народ со всей пролетарской яростью месил Гаврилу Принципа, мы с ней, никем не замеченные, ушли обратно к себе в мир Содома. При этом показалось, что обратный переход дался нам гораздо легче, и вместе с тем возникло ощущение, что классическая версия причин произошедшего, мягко выра-

жаясь, хромает на обе ноги. Этот вопрос хорошо бы тщательно обсудить в кругу знающих людей, одновременно позаботившись о том, чтобы Франца Фердинанда не добились прямо в госпитале (для чего придется планировать отдельную операцию). А то, судя по всему, «свои» хотят его смерти даже больше, чем «чужие».

Шестьсот сорок пятый день в мире Содома, около полудня. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

– Да, – подтвердила мою догадку товарищ Бергман, когда мы вернулись в свое Тридесатое царство и собрали на совещание ближний круг, – тот тип, в которого вы отвели предназначенную герцогине пулю, увидев человека с оружием, с облегчением подумал: «Ну наконец-то!». Хотя, если бы это был не стрелок, а бомбометатель, то его разорвало бы на части вместе с другими пассажирами машины.

– Ну, это вряд ли, – хмыкнул я. – Спрыгнуть при виде бомбы с подножки и залечь плашмя – дело двух секунд. Взрывная волна тогда пройдет поверх тушки, а поднявшийся на ноги герой сможет долго трясти контуженой головой и до конца жизни хвастаться, что выжил в покушении на наследника престола. Поэтому и поехал этот тип на подножке, как какой-то мальчишка-босьяк, а не в машине, как белый чело-

век. При этом он явно был уверен, что покушение организовано не на него...

— Вторая мысль этого типа уже после того, как он ощутил боль от ранения, была: «Так мы не договаривались», — сказала Бригитта, — что означает только то, что этот человек был заранее осведомлен о покушении, и даже, более того, создавал для него благоприятные условия.

— Вполне возможно, — кивнул я. — Наш нынешний «подзащитный» — человек ершистый, неудобный, плюющий с высоты своего положения на мнение высшего света и правила приличия. Мне Франц Фердинанд отчетливо симпатичен, зато половина венского бомонда яростно желает его смерти — точно так же, как стая черных ворон ополчается на белую. Думаю, в Вене, когда узнали о планах французов сербскими руками устранить этого «анфан террибль», разве что в ладоши не захлопали. А не узнать об этом они не могли, ибо январский сбор сербских радикалов в Тулузе выглядел весьма подозрительно. Майор Воислав Танкосич, курировавший в сербском генштабе диверсионную деятельность, мог собрать своих головорезов на совещание не в Белграде, Крагуеваце или Нише, а на территории французской ГВМБ на Средиземном море только из-за необходимости встречи с куратором из числа офицеров военной разведки Третьей Республики.

— Да, — подтвердила Бригитта, — Тулуза не Марсель, и случайные люди туда просто так не поедут. Так что французская

военная разведка, она же Второе Бюро, скорее всего, в этом деле замешана по самую макушку. Но что из этого следует для нас?

Я подумал и ответил:

– Для нас из этого следует, что для меня однозначной оценки того, кто был виновником войны, а кто стал ее невинной жертвой, больше не существует. Если информацию о готовящемся покушении на наследника престола смогли получить в Вене, то почему бы о нем не узнать и германской разведке? И только в силу того, что Берлину тоже до чертиков захотелось повоевать, дело с покушением в Сараево и там было пущено на самотек. Должен напомнить, что предыдущий Фашодский кризис, случившийся за шесть лет до нынешнего инцидента, затапывали всем европейским кагалом, потому что тогда война не нужна была никому; на этот же раз одни радостно организуют повод для грядущей мировой бойни, а другие взирают на это с воистину олимпийским спокойствием...

– А как же ваша любимая Россия? – усмехнулась товарищ Бергман. – Неужели она в ваших глазах такая же грешная, как и все остальные?

– Российская империя – точнее, ее император – в данном случае не исключение, – стиснув зубы, ответил я. – В отличие от своей предыдущей версии, тут Николай Александрович более многогрешен, унижен поражением в русско-японской войне, а также попран наличием собственноручно под-

писанной Конституции и всенародно избранной Государственной Думы. Сейчас он готов на все, лишь бы компенсировать былые поражения и унижения ореолом победителя Германии и Австро-Венгрии. Ведь в альянсе с Францией и Великобританией грядущая война выглядит делом быстрым и почти безопасным.

– Да, это похоже на правду, – сказала Птица. – Едва только Николай Второй оправился от моральной травмы, нанесенной событиями русско-японской войны и революцией пятого года, самым главным для него снова стал крик души: «Не заслоняйте!». Положение народных масс за счет либерализации политики улучшилось незначительно, не были произведены ни ликвидация безграмотности, ни создание общенациональной системы здравоохранения, но последний русский царь неожиданно вновь почувствовал себя самым большим начальником, Хозяином Земли Русской. И понеслись ретивые.

– Я думаю, – сказала Кобра, – что этот перелом произошел в нем накануне убийства Столыпина. До того доминантный премьер был ему защитой и опорой, а после стал затенять коронованное ничтожество, а потому был убит и низвергнут с пьедестала.

– А еще, – добавила Птица, – он точно так же, как и Венский бомонд, на дух не переносил Франца Фердинанда. Как тот смел жениться по любви и быть счастливым, в то время как у самого Николая, буквально выканючившего свой брак

у Папа и Мама, в личной жизни были одни проблемы, и даже долгожданный сын оказался поражен тяжелой неизлечимой болезнью?

Я пожал плечами и сказал:

– Меня ни в каком виде не волнуют хотелки и заморочки нынешнего русского царя и некоторой части российской элиты, некритически воспринимающей французское влияние. Но это отношение ни в коем случае не распространяется на российский народ и на российское государство в целом. На стороне российского государства я буду сражаться, защищая российский народ от внешних и внутренних врагов, ибо иное будет противно принесенной мною присяге. Я понимаю, что вступать в бой мне придется с мечом в одной руке и скребком для выгребания навоза в другой, ибо слой этого вещества на нынешней российской действительности достиг уже почти авгиевой толщины. Еще немного – и станет время, когда можно будет только спустить в унитазе воду и приступить к строительству первого в мире государства рабочих и крестьян. И еще я должен сказать, что не испытываю ненависти и презрения ни к немецкому, ни к французскому, ни к каким-либо еще народам, втянутым политиками в грандиозную общеевропейскую бойню. На фронте вооруженный враг – законная цель, но едва солдат вражеской армии бросит оружие и взмолится о пощаде, я отнесусь к нему со всей возможной гуманностью, приличествующей Божьему Посланцу. Также я обязуюсь не бомбить и не раз-

рушать городов неприятельских стран, ибо Господь желает обращения грешника, а не его смерти. Dixi!

И в этот момент неожиданность выдал Профессор, который, как и положено пажу-адъютанту, стоял поблизости, молчал и мотал на отсутствующий пока ус.

– Сергей Сергеевич, – сказал он, – разрешите высказать соображение?

Профессор – это далеко уже не тот мальчик, с которым мы начинали свой путь у горячего ручья в мире Подвалов. Флоренс Найтингейл как-то назвала его «маленьким русским солдатом». За два года мой юный воспитанник подрос и набрался опыта, которого хватило бы большинству взрослых, у него развился цепкий, наблюдательный взгляд, а суждения, которые он высказывает при написании своих рапортов², ничуть не напоминают детский лепет. Так что пусть говорит, лишним это не будет. Вообще-то по правилам, введенным Петром Великим, на военном совете первым должен высказываться самый младший, но, видимо, тогда у моего воспитанника отсутствовала критическая масса наблюдений.

– Высказывайся, Профессор, – ответил я, – только, будь добр, покороче.

² После каждого мероприятия, в котором Митя-Профессор и Ася-Матильда участвуют в качестве пажей-адъютантов Серегина, они пишут рапорта по поводу того, что они видели при исполнении своих служебных обязанностей и что по этому поводу думают. Так заведено в той «конторе», где служил капитан Серегин до того, как воплотился в Бича Божьего. А Защитником Земли Русской он был всегда.

— Мне кажется, — немного волнуясь, сказал мой юный адъютант, оглядывая присутствующих, — что вы все немного неправильно воспринимаете задачу. Это мы, родившиеся гораздо позже этих событий, понимаем, что эта война была кровопролитна, безрезультатна и в той или иной мере навредила всем участвовавшим в ней странам. Здешние люди к подобному выводу начнут приходить году к шестнадцатому, а то и к восемнадцатому. А сейчас они все наивные и радостные от того, что вот-вот решатся все их проблемы и воплотятся желания. И даже окружение второй армии в Восточной Пруссии, которое вы хотите предотвратить, в Петербурге воспримут как мелкую досадную неудачу. В отличие от предыдущего мира, где над русской армией уже витало безнадежное ощущение грядущего поражения, тут всеми — от императора до последнего нижнего чина — овладело бодрое предчувствие великих побед. Мол, разгромим австрияков и германцев, и вернемся по домам до первого листопада. И вы, Сергей Сергеевич, никак не убедите этих людей в том, что отводите их с катастрофического пути. Напротив, и в России, и во Франции с Британией будут считать, что вы покусаетесь на их законную добычу, что они справились бы и без вас, а вы им только все испортили.

Я прогнал сказанное Профессором через энергооболочку Бога Войны, и не нашел в его постулатах никакого изъяна. Так все и будет, если я попробую идти накатанным путем. Во всех предыдущих мирах, начиная, собственно, с мира Ве-

ликой Артании, мои местные союзники изнемогали под натиском превосходящих вражеских сил, а потому воспринимали помощь моей армии исключительно как положительное явление, но в мире Первой Мировой Войны все совсем не так. Тут до самого конца – то есть до Февральской революции и Приказа № 1 Временного Правительства (набрали идиотов по объявлению) – германская армия не воспринималась в окопах как в принципе неодолимый враг. Стиснутые в тисках идеальной блокады Германия и Австро-Венгрия были обречены на капитуляцию по причине наступившего голода и нехватки сырья на военных заводах. Если у русской армии нет сил наступать, то солдатам достаточно просто просидеть в окопах полгода или год, после чего крах Центральных Держав будет неизбежен по чисто экономическим причинам.

– Да, Профессор, – сказал я вслух, закончив свой обмен мнениями с энергооболочкой, – ты полностью прав. Для России с ее эмоционально неустойчивым и крайне самолюбивым монархом мы будем союзником нежелательным, если не сказать больше. Хотя задачи исправления этого мира с нас никто не снимал. Есть у кого-нибудь какие-нибудь соображения, каким образом мы сможем обойти эти граничные условия?

– Есть, – сказал Профессор. – Только один народ вступает в эту войну без энтузиазма, с предчувствием величайшей беды и даже национальной катастрофы. Безумные политики

встраивали этих людей в безнадежную войну с превосходящим врагом, при том, что союзники далеко, а недружественные страны окружают их страну по периметру границ. Я, Сергей Сергеевич, имею в виду сербов и Сербию...

– Профессор говорит дело, товарищ капитан, – сказала Кобра. – Сербов в Европе воспринимают как маленьких русских, над которыми можно издеваться только потому, что, в отличие от больших русских, они в ответ не смогут дать по шее. Вот где в народе с первых же дней не было никаких радостных иллюзий, а только предчувствие битвы за выживание и великих страданий. Именно там понадобятся наши «Шершни» и «Каракурты», стойкие в бою легионы и прочие высокотехнологические и магические чудеса. А в других местах без нашей помощи перетерпят и обойдутся.

– Так что же, нам вовсе не оказывать никакой помощи русской армии? – спросил я. – Ведь именно ради сохранения и укрепления Российской державы пришел я в этот мир, а все остальные задачи тут для меня побочны или второстепенны.

– Русской армии, когда она в силу самонадеянности тугоголовых генералов начнет попадать в разные тяжелые и безнадежные ситуации, помогать надо, – ответила Кобра, – но основным театром военных действий и целью политических операций для нас должна стать как раз Сербия. Это тот ключ, та точка опоры, которая позволит проникнуть в этот мир и закрепиться в нем, встав на надежный якорь. И только обосновавшись на сербском плацдарме и заработав авто-

ритет неодолимой силы, ты сможешь задавать Николаю Романову очень неприятные вопросы и переворачивать мир в правильном направлении.

– Милый, – сказала мне Елизавета Дмитриевна, – по поводу Сербии у меня имеется особое мнение. Там, в нашем мире, нынешнему королю Петру наследовал принц Георгий – юноша прямой, честный и откровенный, превыше всего ставящий благо собственного народа, что так нравилось императору Михаилу Второму. Но тут, как и в других мирах Основного Потока, на трон готовится взойти его прямая противоположность, принц Александр – подлец и интриган, ради власти готовый обокрасть союзника, свергнуть с престола деда, морально уничтожить родного брата и расстрелять своих благодетелей из тайной организации, сделавших все, чтобы он взошел на трон. Этот непорядок следует исправить в первую очередь, а иначе тебе, мой дорогой нахал, в этом мире не на кого будет опираться при совершении очередных подвигов.

Ну да, вот и сходили за хлебушком... Четырнадцатилетний выюнош натыкал радостного Бича Божьего носом в отходы человеческой жизнедеятельности, а остальные его поддерживали. И поделом мне. Расслабился и решил, что раз сила есть, то и думать уже не надо. А вот и нет. Если налезать на этот мир буром, то окажется, что силенок у меня маловато. Кампанию я, может быть, и не проиграю, но лишних дров будет наломано – мама не горюй. Не одну зиму печь топить

хватит. Ну ничего – нормальные герои всегда идут в обход. С другой стороны, в сражении под Танненбергом пятьдесят тысяч пленных русских солдат будут для немцев слишком жирным угощением. А Самсонов – каков засранец: стреляться он вздумал, ерш твою медь! Перетопчутся Гинденбург с Людендорфом. Надо будет заранее подумать о том, каким образом при участии минимальных сил сорвать германскую операцию по окружению второй армии и вместо громкой победы подсунуть немцам кукиш с маслом. В лучшем случае русские войска должны получить возможность отойти на исходные рубежи, в худшем следует открыть порталы и вывести их куда-нибудь на территорию Великой Артании. Там к тому времени начнется месяц май, вполне подходящий для расквартирования войск в полевых лагерях. Но то, что случится через два месяца под Танненбергом, надо отодвинуть «на потом», а сейчас следует подумать о делах наших текущих, в первую очередь, о ночном визите к раненому эрцгерцогу Францу Фердинанду. Эту австрийскую делянку тоже еще пахать и пахать.

– Итак, – сказал я, закрывая Совет, – все сказанное здесь в той или иной степени будет принято во внимание. А сейчас я формирую команду для ночного визита к нашему страдающему австро-венгерскому приятелю. Со мной на дело идут Колдун, Птица, Лилия и Кобра. Форма одежды – походная, выступление – через двенадцать часов.

28 июня 1914 года, 23:55. Австро-Венгерская империя, Босния и Герцеговина, Сараево, городской госпиталь, отдельна палата выделенная наследнику австро-венгерского престола.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский

Тиха украинская, то есть, простите, сараевская ночь. Спят пациенты госпиталя, в отдельных палатах спят раненые во время покушения наместник Боснии и Герцеговины Оскар Потioreк и наследник австро-венгерско престола эрцгерцог Франц Фердинанд, спит умаявшаяся и наплакавшаяся эрцгерцогиня София, спит младший медперсонал (сиречь санитары), а также адъютанты и охрана высокопоставленных персон. Не брешут даже собаки за окнами, ибо и они тоже погрузились в глубокий сон. Все они спят настолько крепко, что вряд ли проснутся даже в том случае, если госпиталь начнет бомбить авиация. А все дело в бойце Птице, в миру Анне Сергеевне Струмилиной, которая спела этим людям свое колыбельное заклинание, снять которое до истечения гарантированного срока действия «с третьими петухами» может только она сама.

Портал в мир грядущей Первой Мировой Войны открылся легко, как хорошо смазанный замок, который отпирают «родным» ключом, что говорит о том, что, совершив минимально необходимое воздействие, мы вывели этот мир из Основного Потока и перевели его на самостоятельную тра-

екторию. Впрочем, если Франц Фердинанд все же умрет, то все вернется на круги своя. Но мы здесь как раз для того, чтобы предотвратить это нежелательное явление...

А вот и двери в одиночные ВИП-палаты. Их легко можно опознать по дрыхнущим, сидя под стенами, австрийским солдатам, обнимающим винтовки Манлихера с примкнутыми штыками. И тут же, напротив двери, столы, на которых в одинаковых позах мордами лежат сопящие офицеры. Заглядываю за одну дверь: там, в синем свете ночника, сном младенца дрыхнет граф Поттиорек, а на полу, упав со стула, валяется его адъютант. Лилия сказала, что местные врачи обработали раненую ногу, кое-как сложили бедренную кость из крупных осколков, удалив всю мелочь, не связанную с мягкими тканями, и закрепили все эпического размера гипсовой повязкой. Срок условного выздоровления – около полугода, при этом никто не гарантирует, что кость срастется ровно, а раненая нога не окажется короче здоровой. В нашем прошлом сей деятель довольно бодро (хотя и неудачно) командовал сербским фронтом с австрийской стороны, и его выбытие с этой должности тоже означает изменение местной истории.

Но сейчас нам требуется совсем не граф Поттиорек. Закрываем эту дверь, открываем другую. А там – как раз тот, кто нам нужен, Франц Фердинанд собственной персоной, перемотанный бинтами как мумия египетского фараона. И тут же эрцгерцогиня – храпит, будто извозчик, на отдельной

кровати, а на полу, рухнув со стула во сне, сопит не адъютант, а служанка весьма слоноподобных габаритов.

Лилия подходит к столику рядом с кроватью австро-венгерского наследника, нюхает стакан-поильник с носиком, наполненный водой, и морщит нос.

– Это яд, папочка! – авторитетно говорит она. – Проснувшись бы этот мужчинка ночью, попросил попить, служанка и подала бы ему этот стаканчик. А напиток в нем таков, что, испив его, уснешь, и больше никогда не проснешься. И тут отравители, которых я ненавижу! Поклянись, пожалуйста, что убьешь их всех.

Я и поклялся. Убью, догоню и закопаю заживо. А то что же получается: я этого Франца Фердинанда спасал, под личиной светского хлыща лично ходил на дело – а его бы раз, и отравили... И потом сообщили бы народу: дескать, умер от последствий ранения. По счастью, стакан полон, а значит, пациент из него еще не пил. Замечательно. Небольшая манипуляция: стакан отправляется в мир Содома на экспертизу магами жизни, а вместо него появляется другой, наполненный живой водой. Сначала у меня была идея поставить сосуд с ядом герру Поттиореку, несомненно, непосредственно замешанного в эту интригу, но потом я отбросил эту мысль во тьму внешнюю. Не надо нам такого, ни в каком виде. Стоит только начать поступать в соответствии с мелкими мстительными порывами души – и зло непременно затопит тебя с головой.

– Значит так, – сказал я Лилии, – этот человек должен быть в меру подлечен, гарантирован не только от смерти, но и от ухудшения состояния здоровья. И в то же время мне не нужно, чтобы он завтра встал и начал ходить гоголем. Выздоровление раненого должно быть быстрым, и в то же время укладываться в естественные сроки.

– Как тебе будет угодно, папочка, – пожала плечами Лилия и, привстав на цыпочки, склонилась над пациентом, нажимая пальцами на какие-то только ей известные точки организма.

Минуты через две она распрямилась, сдула со лба непослушную челку и сказала:

– Ну вот и все, папочка! Пользовали нашего больного достаточно квалифицированные эскулапы, не допустившие никаких грубых ошибок, а потому зарастет как на собаке. Теперь пусть Диметриос наложит на этого типа самое простое из доступных ему заклинаний регенерации – и дело в шляпе. Выздоровеет тогда этот пациент где-то за месяц, и ни у кого не возникнет подозрения, что в его организме имело место постороннее вмешательство.

Собственно, ради этого заклинания я Колдуна с собой и тащил. И когда он закончил манипуляции с заклинанием, которое естественным путем должно было рассосаться недели за три, я сказал Птице:

– А вот теперь, уважаемая Анна Сергеевна, когда все медицинские процедуры уже закончены, больного надобно раз-

будить для проведения дипломатических переговоров. А то тут завтра с утра настропаленный агитаторами народ может начать выражать свое возмущение покушением – да не сербскому правительству и его тайным кукловодам, а обычным местным сербам, которые во всем этом ни сном, ни духом. Возмущения, как это водится, перерастут в погромы и убийства, и если наш пациент, опираясь на свой вес в обществе, не сумеет предотвратить эти негативные явления, то потом, когда жизнь и смерть этого человека станут мне безразличны (ибо изменения обстановки пойдут валом), я на него сильно осерчаю. А о таком лучше предупреждать заранее.

Птица пожала плечами, кивнула и прошептала что-то пациенту на ухо. Секунд тридцать ничего не происходило, потом Франц Фердинанд открыл глаза и уставился на нашу компанию как баран на новые ворота. Аж усы встопорщились.

– Кто вы, черт возьми? – хрипло прошептал он.

– Мое имя и имена моих спутников не скажут вам ровным счетом ничего, – пожал я плечами, отвечая на тевтонской версии немецкого языка. – Вам необходимо знать только то, что мы представляем в вашем мире Всемогущего Творца Всего Сущего, решившего внести в местную историю кардинальные изменения. Предыдущий вариант, образовавшийся самотеком из корыстных устремлений самых разных людей, Ему, видите ли, крайне не понравился. И первое, что мы сделали, это переиграли вчерашнее покушение, сохранив жизнь

вам и вашей супруге. У вас степень ранения уменьшена со смертельной до просто тяжелой, а мадам Софи и вовсе отделалась легким испугом, вместо нее ранение получил наместник Потioreк, который аж из штанов выпрыгивал, лишь бы поскорее затолкать вашу парочку в ад.

Мои слова сопровождались отдаленными погромыхиваниями, как обычно бывает при надвигающейся грозе, но эрцгерцог Франц-Фердинанд не обратил на это обстоятельство ни малейшего внимания. Летом гроза – обычное дело, не то что зимой, где-нибудь в январе.

– Я не верю ни одному вашему слову, господин хороший! – отрезал австро-венгерский наследник престола. – Никакой вы не посланец Господа, а просто ловкий мошенник, который пробрался ночью в госпиталь только для того, чтобы морочить голову раненому человеку.

– Упрямый тевтон! – привычно возмутилась Лилия. – Дядюшка изо всех сил колотит его по голове, а он вертит этой головой и спрашивает, где это стучат.

И тут я подумал, что меч Бога Войны этому Францу Фердинанду демонстрировать сейчас бесполезно, потому что для него он ничем не отличается от декоративного лазерного меча джедаев из саги «Звездные войны». Снести голову одним ударом можно, а вот убедить – нет. И то же самое касается Кобры с ее огненными штучками. В местном цирке факиры-глотатели огня вам еще и не такое покажут. Да и вообще – нужно ли мне так убеждать этого человека, или до-

статочно заронить в него зерно сомнения, оставить портрет для связи и откланяться? Да, так будет даже интересней: если случатся погромы, то купировать их я буду в свойственной мне грубой манере, нанося удары не по погромщикам, а по тем, кто их натравил на сербскую общину.

– Видишь ли, Лилия, – сказал я со вздохом на высокой латыни, – если мы начнем убеждать этого человека, что мы не мошенники, то дело продлится до самого утра. А оно нам надо? Поэтому я оставляю ему свой «портрет», предупреждаю его, какие действия мне не понравятся, а потом мы тихо и чинно уходим к себе в Тридешатое царство через портал прямо отсюда. Пусть смотрит. Если он и в самом деле умный человек, как пишут в исторических трудах, то сложит два и два и выйдет на связь, чтобы узнать, кто хотел его смерти. А если неумный, то сойдет и так, как есть, потому что этот элемент в наших расчетах необязательный и легко выносится за скобки.

Ага, и хоть сейчас не времена Генриха Наварры, но все равно, как всякий европейский аристократ, получивший католическое воспитание, Франц Фердинанд должен быть научен хотя бы начаткам латинской мовы, еще совсем недавно (в историческом смысле) считавшейся в Европе языком межнационального общения. Так что эрцгерцог понял не только наш разговор, но и то, что этим языком мы с Лилией владеем гораздо лучше него. Одно дело, когда я обращался к этому человеку по-немецки с непонятным акцентом, и со-

всем другое, когда вдруг заговорил при нем на чистейшей латыни. И хоть этот факт не избавил полностью наследника австро-венгерского престола от всего свойственного ему скепсиса, то хотя бы пробил в нем изрядную брешь. Я положил ему на одеяло карту с портретом-миниатюрой и сказал на той разновидности латинского языка, что была в ходу среди аристократии поздней Римской империи:

– При помощи этой штуки вы в любой момент, как только вам захочется, можете выйти со мной на связь. Просто проведите пальцем по изображению, и все. И еще: завтра в Сараево, и вообще в вашей Австро-Венгерской империи, из-за вашего ранения могут начаться антисербские волнения. Так вот. Я буду очень недоволен, если должностные лица вашей Империи будут бездействовать или даже прямо поощрять эти безобразия. В таком случае, несмотря ни на какую охрану, неизбежны такие же внезапные визиты, как к вам сейчас, но совершенно с другим результатом. Тушка останется на месте, а голова потеряется. Вы уж поверьте – я такое умею очень хорошо. А сейчас мы пошли, счастливо оставаться, господин мой Франц Фердинанд...

Договорив, я щелкнул пальцами – и в дальнем углу палаты, напротив койки с сопящей эрцгерцогшей, открылся симпатичный такой прямой портал в мир Содома, откуда пахло миррой и ладаном, как из храма. Над горами занималась заря нового рассвета, обещающая Зброшенному Городу очередной неистово жаркий день. Возглас Франца Ферди-

нанда, которого наконец «проняло», остановил меня на пороге, когда мои спутники уже перешли в мир Содома.

– Постойте, господин! – воскликнул наследник австро-венгерского престола пересохшим от волнения ртом. – Скажите же, как к вам обращаться?

– Сергей, сын Сергея из рода Сергиев, – сказал я под раскаты грома, – самовластный государь княжества Великая Артания, расположенного в пятьсот шестьдесят третьем году от рождества Христова, а также нескольких эксклавов в других мирах. Обычные люди имеют возможность, открывая двери, ходить из комнаты в комнату, а мне Господь даровал способность, исполняя разные Его поручения, таким образом ходить из мира в мир. Иногда я разговариваю разговоры, как сейчас, а иногда во имя лучшего будущего для этого мира начинаю воевать – и тогда сдайся враг, замри и ляг, потому что судьба того, кто не последует этому совету, будет весьма печальна. Это я говорю вам потому, что этот мир беремен большой общеевропейской войной, которая непременно должна разразиться до первого октября сего года.

Закончив свою речь, я подвыдернул из ножен клинок меча Бога Войны – и в полутьме палаты под оглушительные раскаты грома на мгновение ослепил пациента яркой, будто магниевой, вспышкой. Вот теперь подействовало. Одно дело – просто светящийся клинок и совсем другое – он же, но в сочетании с раскрытым настежь межмировым порталом³.

³ Серегин не может видеть себя со стороны, а потому и не подозревает о том,

– Господин Сергей, – взмолился Франц Фердинанд, – я ничего не понимаю! Почему вы, как Господень Посланец, считаете, что война должна непременно начаться до первого октября, и почему вы так настойчиво предупреждали меня о недопустимости сербских погромов? Ведь это именно сербские власти задумали это покушение на меня и Софию, которое было исполнено руками местных сербских террористов. Неужели это преступление не должно быть отомщено?

– На первый вопрос ответ однозначный, – ответил я. – Чуть больше года назад во Франции приняли новый закон о военной службе, на один год увеличив ее срок, и на год же понизив возраст призыва. В результате этой нехитрой комбинации в строю оказалось четыре призывных возраста вместо двух, что позволило удвоить армию мирного времени и начать формирование новых частей и соединений. Таким образом, Французский Генштаб, действующий в полном согласии со своим правительством и депутатами Национального Собрания, предопределил сроки начала войны – лето четырнадцатого года и первый месяц осени. Первого октября солдаты, призванные в одиннадцатом году, должны уйти на дембель, что для французского командования неприемлемо. Но сами нападать на Германию французы не планируют, ибо такую авантюру не поддержат ни в Петербурге, ни в Лондо-

что, как и во всех других подобных случаях, когда он волнуется, у него нескрываясь прорезались регалии младшего архангела: нимб, светящийся панцирь и крылья за спиной.

не. Вместо того после запланированного Парижем двойного убийства в Сараево Австро-Венгерская империя нападет на Сербию, Российская империя, исполняя союзнический долг, объявит мобилизацию, угрожая ударом по Австро-Венгрии, Германия, в соответствии с договором о Двойственном Союзе, объявит войну России, а Франция, в свою очередь, Германии. И еще чуть позже, во исполнения плана Шлиффена, германская армия, обходя основные оборонительные рубежи французов, вторгнется на территорию Бельгии, из-за чего Британия, являющаяся гарантом бельгийского нейтралитета, объявит войну Германии. И вот, пожалуйста, искомый результат достигнут – воюют все. На второй вопрос ответ тоже однозначный – никто не должен подвергаться преследованию и быть наказан только на основании своего вероисповедания, национальности и гражданства, и нести ответственность за преступления, которых он не совершал. Это абсолютно однозначно, и за такие случаи, пользуясь полномочиями Бича Божьего, я буду карать без всякой пощады. При этом я вам обещаю, что все лица, задумавшие ваше убийство и приводившие этот план в исполнение, в самом ближайшем будущем пожалеют об этом своем деянии. Непосредственных участников покушения ваша полиция уже схватила, но это мелкие сошки. Я займусь теми их покровителями, что находятся в Белграде, Париже и в Вене...

– В Вене? – переспросил Франц Фердинанд. – Я вас не понимаю...

– Да, в Вене, – ответил я, – или принц Монтенуово уже перестал быть вашим личным врагом? Видите ли, дело в том, что в своей прошлой жизни я был обыкновенным русским офицером и служил в разведке. Могу сказать, что для знающих людей подготовка к вашему убийству исполнялась в типичном французском стиле «тихо и незаметно ползет слон по посудной лавке». Несомненно, специально обученные люди в вашем имперском генеральном штабе, кому по долгу службы положено наблюдать за сербскими и прочими террористами, заметили эту неприличную возню, но в силу вашей непопулярности в венском высшем свете не стали ей противодействовать. Более того, принимавшие вас вчера в Сараево должностные лица сделали все возможное для успеха заговора, за исключением стрельбы вам в спину. Также о замысле вашего убийства в силу своего высокого профессионализма не могла не быть осведомлена германская разведка, но и в Берлине тоже отнеслись к этому вопросу с вопиющим безразличием. Есть информация, что о подготовке покушения был также осведомлен русский император Николай Второй, но это не точно. С одной стороны, русская разведка имеет обширные связи в Сербии, а с другой, будто плесенью, насквозь поросла агентами французского влияния.

В ответ на мою тираду Франц Фердинанд длинно и грязно выругался по-немецки, а потом, снова на латыни, спросил:

– Господин Сергей, а для чего вы все это мне сейчас говорите?

– Не для чего, а почему, – поправил я собеседника. – В ближайшее время логика развития событий сделает нас врагами. Ваш дядя непременно объявит войну Сербии, со всеми вытекающими из этого факта последствиями, а я всей своей мощью встану за спиной сербской и русской армий, о чем говорю вам сейчас прямо в лицо. Будьте уверены – и как человек, и как младший архангел, я сделаю все возможно для того, чтобы правая сторона победила, а неправая была поправа везде и всюду. При этом мне безразличны как франко-германские, так и британо-германские разборки. С моей точки зрения, было бы совсем неплохо, если бы пруссаки снова взяли Париж, а детки адмирала Тирпица к чертям собачьим перетопили весь британский флот. Пусть те, что планировали эту войну, устраивали провокации и радовались ее наступлению, первыми отхлебнут из ее котла горячего варева полными ложками. При этом вы, как второе лицо в своей Империи, должны понимать, в каком случае я буду вести войну как обычно, а за что стану карать всех причастных с нечеловеческой яростью и такой же мощью. Просто-напросто в таких случаях обычно ничего не грозит, потому что, имея возможность бить в центр принятия решений, я не срываю зло на слабых и беззащитных. Зато короли, аристократы, депутаты, министры и генералы несут предо мною ответственность за военные преступления в полном объеме. Я буду нетерпим, если где-то будут расстреливать пленных или гнать их впереди атакующих войск, истреблять мирное

сербское и русинское население, а также стогнать представителей «неправильных» национальностей в концлагеря. Впрочем, сейчас вы ранены и прикованы к постели, а потому я не могу организовать вам небольшой рабочий визит в свои владения в стиле «галопом по Европам». Поэтому давайте сделаем так. Недели через три, когда вы восстановите свою подвижность и вырвитесь из цепких лапок докторов, а война еще не будет объявлена, я приглашаю вас совершить краткосрочный рабочий визит в свои владения для ознакомления с обстановкой.

– Но зачем?! – воскликнул потрясенный Франц Фердинанд. – Вы же сами сказали, что мы с вами враги, а врагу не показывают никаких секретов...

– Это сейчас мы враги, – строго сказал я, – но я рассчитываю как можно скорее покончить с этой войной, ибо у меня много других дел – и вот тогда наши отношения могут радикально измениться. Я не испытываю к вам личной неприязни, вы мне интересны и в чем-то даже симпатичны, в отличие от вашего дяди, который видится мне как огромный гнойный фурункул на местной действительности.

– А что если я попробую уговорить дядю вовсе не начинать войны и спустить это дело с покушением на тормозах? – спросил меня собеседник.

– Не думаю, что это будет полезно, – ответил я. – Эта война уже запланирована, вписана в бухгалтерские книги господ Ротшильдов и иных финансистов – и тот, кто попытается

нарушить их планы, жестоко о том пожалеет. На самом деле пожалеют о том господа финансисты, но это случится немного потом, и их сожаления не будут связаны с вашим именем. Так что лечитесь, выздоравливайте, набирайтесь сил. Думаю, если ваш дядя и в самом деле поведет дело к войне, французы от вас отстанут, а ваши венские недруги настолько трусливы, что способны совершать свои гадости только чужими руками. Счастливо оставаться, мой будущий друг эрцгерцог Франц Фердинанд... Если появится желание поговорить, то проведите пальцем по моему портрету, и я выйду с вами на связь. Всего вам наилучшего.

– Погодите! – воскликнул тот. – Если вы превратили тут все вокруг в сонное царство, то дайте хотя бы напиток раненому человеку, а то я не дотягиваюсь до стакана здоровой рукой...

Ну я и подал Францу Фердинанду поильник – что мне, трудно, что ли. Тот, кто раненому воды не подаст, и вовсе себя цивилизованным человеком считать не должен. И неважно, враг перед тобой или друг.

Шестьсот сорок седьмой день в мире Содома. Поздний вечер. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Мудрости.

Анна Сергеевна Струмилина. Маг разума и главная вытирательница сопливых носов.

Когда Серегин сказал, что даже со всей его мощностью спра-

виться с этим миром по-быстрому не получится, потому что тут требуется не кавалерийский наскок, а тщательная планомерная осада, я очень огорчилась. Ведь хочется же домой, в свой мир, где Митю и Диму ждут несчастные родители, школа и контроли по математике. Асю и Яну, правда, никто не ждет, за исключением директрисы и воспеток детдурдома. Почему-то, когда я о них думаю, в моих ушах звучат слова: «государство не просило вас рожать», хотя при мне вслух никто такой фразы не произносил. Впрочем, наверное, я тревожусь напрасно, ведь все четверо моих гавриков прочно связали свою жизнь с Серегиным и делом установления справедливости, которое он на лезвии своего меча несет через миры.

У нас дома он обещал особо не буяннить, зато в девяносто первом, девяносто третьем и девяносто восьмом годах клочки начнут летать по закоулочкам, ибо наш Бич Божий крайне зол на тамошних небожителей. Хотели мир без Путина – получите Серегина, за спиной которого мрачной глыбой маячит громада «Неумолимого». Думать о том, что может наворотить «Бич Божий», когда его сдерживают только узы совести да мысленное одобрение Верных, мне и страшно, и сладостно. Страшно – потому что, верша справедливость вооруженной рукой, наш Защитник Земли Русской не будет считаться с количеством злобных вооруженных врагов, которых следует убить и зарыть в исполинских братских могилах. Сладостно – потому что останутся жить и будут счастли-

вы миллионы мирных, ни в чем не повинных людей, в мирах Основной Последовательности погибшие в локальных конфликтах, умершие от голода и нищеты, покончившие с собой от тоски и безысходности. Царствие Божие на земле, которое наступит в этих мирах после того, как Серегин закончит там свою работу, будет как раз про этих людей, в своей общей массе именующихся обывателями, а не про жирных котов.

Впрочем, если подумать, какой тщательной проработки потребуют вышележащие миры, чья сложность от уровня к уровню только увеличивается, о возможных тайных «секретных» ответвлениях, пока не доступных Диме Колдуну, то становится понятно, что мы попадем домой еще не скоро. Возможно, это случится как раз к тому времени, когда мальчики станут взрослыми мужчинами, а девочки – прекрасными девушками. Уже сейчас мои гаврики – совсем не те дети, с которыми мы два года назад начали это путешествие: они повзрослели и заматерели, крепко стоят на своих ногах и с отвагой смотрят в будущее. Первым стать взрослым пришлось Диме, открывшему в себе талант мага-исследователя, потом остепенилась Ася, и почти сразу же за ней – Митя. Они теперь не играют в приключения, а живут полной жизнью, как взрослые. И только Яна осталась моей верной спутницей-помощницей, безропотно возящейся со всякой малышкой и наставляющей ее в первых шагах.

Единственное, о чем я не беспокоюсь, это о себе и своей внешности. Я всегда буду такой же молодой и прекрас-

ной как сейчас. Этому не помешает даже отсутствие у меня любимого мужчины. Белочка говорит, что я научилась использовать энергию любви и добра, излучаемую в мою сторону моими новые подопечными – выводком детей рязанского князя Юрия, королевы Виктории, а также потомством Николая Второго, которое зовет меня на английский манер мисс Анна. Маленькая аварка Асаль, когда наезжает в гости к нам в Тридешатое царство, тоже добавляет мне изрядную долю нежности и любви, будто второй родной матери, а вместе с ней то же самое транслируют и ее малолетние остроухие Верные. А принц-консорт Альберт-Эдуард-старший даже сделал мне комплимент, что у его детей никогда не было лучшего воспитателя, чем я.

Пришлось немного поправить милейшего Берти, а то они у себя в Британии перепутали профессии воспитателя и дрессировщика детей, и, что хуже всего, распространили такое понимание педагогики на весь мир. Воспитательница царских детей мисс Игер, по моему настоянию спроваженная обратно в родной мир, тому наглядное доказательство. Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия восприняли ее отъезд с безразличием и даже облегчением. Мол, была такая в их жизни, и сплыла, так как сейчас гораздо лучше. Кстати, бывший хозяин земли русской весьма положительно оценил мое воспитательное заведение, где в одной куче смешались дети разных времен и народов. Саксен-Кобург-Готские (в нашем времени Виндзоры) отправляющиеся на вечное поселение в

шестой век, со своими детьми пусть поступают как хотят, а вот Ольге (9 лет) и Татьяне (7 лет) надо ходить в начальный класс нашей школы, вместе со взятыми на попечение отставными гимнасистками, юными остроухими и прочими прибившимися к Серегинскому воинству сиротами. Особенно это необходимо Ольге. Девочка умная, можно даже сказать, талантливая, но удивительно невежественная. Плоды воспитания от мисс Игер торчат из нее, как булавки из головы соломенного Страшилы.

Сначала, когда мы шли по диким местам, в школьных делах у нас была некоторая проблема с письменными принадлежностями. Тогда мы могли полагаться только на груз контейнеровоза, и то не на весь, ибо писать школьные тексты на гербовой бумаге несколько неразумно. В освоении русской грамоты тогда основной упор приходилось делать на восковые дощечки и заточенные стилосы. Зато теперь, после того как Серегин нормализовал 1904 год, где тетради, перья и карандаши можно закупать хоть тоннами, острота этой проблемы в основном снята. Теперь на уроках амазонки-гимнасистки и юные остроухие, прилежно высунув язык, скрипят по самой настоящей бумаге перьями и карандашами, приобщаясь к великим таинствам русского языка. «Мы не рабы, рабы не мы» – что особо актуально для остроухих, всю свою жизнь проводивших под прессом заклинания принуждения.

Серегин весьма доволен ходом учебного процесса и не исключает, что именно эти девочки и немногочисленные маль-

чки из числа артанских и рязанских сирот, пройдя полный курс наук, составят первую живую команду «Неумолимого». Сергей Сергеевич у нас чтит заветы основоположников коммунизма и старается им следовать, а потому – кто был ничем, тот станет всем. И только тех особей, которые заявляют «не хочу учиться, а хочу жениться» он без всякой пощады списывает на уборку сортиров и прочих нечистот в полевых лагерях за пределами города, где не работают никакие очищающие заклинания.

И еще: если раньше переходящее директорство в этом школьном Бедламе было общественной нагрузкой для сержантов танкового полка, которых в обезумевшие позднесоветские времена набирали в основном из студентов, то с недавних пор для этой организации нашелся постоянный руководитель. Это Ольга Романов-старшая (для младшего поколения – «любимая тетушка»), не в силах бездельничать там, где все трудятся, попросила у меня для себя фронт работ по силам. Учительствовать при этом она не может, ибо при остром уме и чуткой душе имеется отвратительная грамотность в письменном и даже устном русском языке, что является как раз следствием «британского» воспитания. Уж не знаю, каким местом думали ее папа и мама, когда превращали своих детей в эдаких затравленных зверьков и в результате поломали жизнь всем: от самого старшего, Николая, до самой младшей, Ольги. И вот теперь, когда один из сержантов-студентов диктует детям текст, Ольга втихаря вместе с

ученицами так же старательно водит пером по бумаге. Проверяю ее работы я лично, и также наедине в своем кабинете растолковываю ошибки. А как же иначе – век живи, век учись.

Но одна из проблем, что нас ожидает не в таком уж и далеком будущем – это встреча с новой, ухудшенной генерацией Романовского семейства, издерганного постоянным ожиданием безвременной смерти дорогого Алешеньки, и обсиженного разными шарлатанами, самый крупный из которых – подмигивающий одним глазом месье Распутин. Вот тут нашему Бичу Божьему придется особенно тяжело, ибо адекватной замены для рокировки негодному монарху не предвидится.

Местный Михаил Александрович стал жертвой дважды разведенной охотницы за статусными женихами, впутался в мезальянс и стал непригоден для занятия должности переустроителя династии. Хотя человек он по-прежнему неплохой, большего, чем командование Дикой дивизией, ему доверять нельзя. И причина тому – разрушившееся со смертью Победоносцева заклинание, приковывавшее дух покойного Царя-Миротворца к средоточию сознания его младшего сына. Это Серегин с Никой-Коброй смогли снять злое колдовство так, чтобы не повредить ни Михаилу Александровичу, ни духу Царя-Миротворца (в тот момент олицетворявшего саму Россию), а вот самопроизвольный распад заклинания, составленного самоучкой – дело чрезвычайно непредсказу-

емое и опасное. Конечно, хотелось бы посмотреть, что там творится в Средоточии местного Михаила Александровича, да попытаться это исправить, но если он сам будет против, я не стану настаивать.

Местная версия Ольги Александровны тоже измотана бесплодным браком с извращенцем и не менее бесплодной любовью к адъютанту мужа – маленькому человечку, который не может дать ей ни самоуважения, ни чувства безопасности, ни ощущения раскрывшихся за спиной крыльев. В мире ее собственного имени, организованная Старшими Братями, сильная лейб-компания взметнула Ольгу на недосягаемую в обычных условиях высоту должности Всероссийской Императрицы. В мире Елизаветы Дмитриевны она счастливо вышла замуж за генерала Бережного – пришельца из будущего, довольно известного во всех четырех известных нам альтернативных мирах. В библиотеке контейнеровоза о нем упоминается как о герое войн за ликвидацию Османской и Британской империй. В мире Елизаветы Дмитриевны генерал Бережной известен как организатор и первый командир лейб-гвардейского корпуса морской пехоты. Майор Половцев отзывается о нем тоже чрезвычайно комплементарно, называя основателем Красной Гвардии. И, наконец, бежавшие из своего мира тевтоны запомнили этого человека как ужасного Вестника Смерти, предводителя советских танковых армий, кромсавших вермахт будто бычью тушу на мясницкой колоде.

Из этого проистекает вывод, что любовь к маленькому человеку для Ольги подобна смерти. И если ту Ольгу, что происходит из тысяча девятьсот четвертого года, мы еще сможем наставить на путь истинный (чем сейчас и занимаемся), то ее версия на десять лет старше в гораздо более трудном положении. А если учесть мнение Димы Колдуна о том, что из тысяча девятьсот четырнадцатого года нам откроется ход на боковой «секретный» уровень семнадцатого или восемнадцатого годов, где нас ждет задание по разблокированию энергоканалов, ведущих на уровне середины двадцатого века. Там, в семнадцатом году, ничто еще не предрешено, но для представителей павшей династии все уже плохо так, что хуже некуда, а потому у нас здесь возникнет даже не двойной, а тройной комплект последних поколений господ Романовых.

5 июля 1914 года, 19:15. Королевство Сербия, Белград, Савская набережная.

Ненаследный королевич и шеф 18-го пехотного полка Дунайской дивизии первой линии Джоржи Караджоржевич (Георгий Карагеоргиевич)

Первый воскресный вечер июля, тишина и благообразие. От струящихся вод Савы веет прохладой, а у причалов покачиваются прогулочные лодки, плавучие кафаны (*кофейни*), а также баржи, с которых торговцы продают пахучие дыни и трескающиеся от сока арбузы. По набережной в тени

дерев прогуливаются хорошо одетые господа, держа под руку своих дам. При встрече они раскланиваются, приподнимая шляпы и котелки. Глядя на эту идиллию, кажется, что все идет как обычно, но на самом деле этот покой и красота — не более чем обманчивая иллюзия.

По ту сторону Савы расположена враждебная Сербии Австро-Венгрия, оттуда до нас уже неделю доносятся угрозы и крики ненависти. В прошлое воскресенье несколько юных сербских патриотов (*среди них один такой же юный мусульманин-босниец*) устроили в Сараево покушение на наследника Австро-Венгерского престола, организованное в стиле террористических актов недавней смуты в России. В кортеж этого болвана Франца-Фердинанда, совершавшего визит в Сараево, были брошены то ли одна, то ли две бомбы-македонки, но из-за криворукости покушавшихся он остался невредим. Дело закончил стрелок из пистолета, который, подбравшись к своей цели почти вплотную, сумел произвести два выстрела: одним был ранен в ногу боснийский Наместник Поттиорек, другая досталась австрийскому наследнику, но не убила его, а только ранила в плечо. Я бы в подобном случае не промахнулся.

И вот теперь старый мизерабль Франц-Иосиф обвиняет в подготовке этого покушения сербские власти, требует международного расследования и сатисфакции. Все австро-венгерские газеты полны антисербской пропаганды, а некоторые, наиболее безумные из них, требуют полного уничтоже-

ния зловредной сербской нации. Они пишут, что всех террористов взяли живыми и на допросах они во всем признались. Но одной рукой австрийские власти раздувают пожар ненависти к сербам, а другой пытаются гасить вспышки неконтролируемой ненависти. Говорят, об этом распорядился сам Франц Фердинанд, который требует, чтобы гнев толпы не пал на головы невинных. Мол, все должно быть по закону, и высокопоставленных организаторов покушения (в их числе назван и мой брат Александр), следует судить открытым международным судом и повесить по его приговору.

Ходят слухи, что в Вене готовится какой-то особенный ультиматум, принятие которого будет для нас даже большим унижением, чем признание шесть аннексии Боснии и Герцеговины лет назад. А если мы отвергнем это наглое требование, то нас ждет война – в ситуации, когда наш единственный союзник далеко, а сильный враг совсем рядом с Белградом. В подтверждение этой угрозы в Австро-Венгрии объявлена частичная мобилизация, и теперь моему отцу предстоит решить, проводить мобилизацию сербской армии или покориться наглому требованию. И хоть Петербург сообщил, что Российская империя в любом случае выступит в нашу защиту, общественное мнение Европы (в первую очередь Германии) настроено резко антисербски. Император Николай – слабый человек, и может заколебаться под этим давлением, – и тогда Сербия останется наедине со смертельной опасностью, без всяких союзников, ибо с некоторых пор даже Бол-

гария стала нам глухо враждебна.

Положение осложняется тем, что в связи с этим кризисом мой отец окончательно сдал. Если совсем недавно он хотя бы мог играть роль сербского короля (при том, что всеми делами в государстве заправляли господа Пашич и Димитриеви́ч), но сейчас он даже не может вспомнить, что происходило вчера. Я знаю, что первоначально у наших умников из «Черной Руки»⁴ был план назначить регентом при недееспособном короле моего брата Александра, но после того, как тот был назван в числе организаторов покушения на Франца Фердинанда, такой шаг стал равносителен объявлению войны Австро-Венгрии.

Вот и мечутся теперь наши хитроумные деятели, будто белки по потолку. Момент ответственный, а принимать эту ответственность на себя никто не хочет. В числе возможных регентов упоминается Арсен Караджоржеви́ч, младший брат моего отца. Но он в России, командует кавалерийской бригадой, и, кроме того, год назад, когда, испросив отпуск на русской службе, наш дядя в составе сербской армии принял уча-

⁴ «Черная рука» – тайная сербская националистическая организация, с 1903 года из-за кулис осуществлявшая управление сербским государством. Ее членами были ключевые государственные деятели: премьер-министр Пашич, начальник белградской жандармерии Радивоеви́ч (погиб в 1913 году), начальник сербской разведки Димитриеви́ч, начальник пограничной службы Попови́ч, помощник начальника штаба сербской армии Милованови́ч и многие-многие другие. С 1908 года к организации присоединился младший сын короля Петра Александр Караджоржеви́ч, что и обусловило в дальнейшем отстранение от престолонаследия его брата Джоржи (Георгия).

стие в сражениях Первой Балканской и Межсоюзнической войны, он стал набирать слишком большую популярность в народе. Из-за этого мой отец попросил его (или даже потребовал) поскорее вернуться⁵ в Россию. Премьер-министр Пашич отбил нашему дяде телеграмму с просьбой приехать как можно скорее, но никто не знает, откликнется ли тот на этот призыв после прошлогоднего афронта, и если да, то успеет ли приехать и принять на себя обязанности прежде, чем станет поздно. Война на носу, а у нас король, мягко выражаясь, не в себе.

Погрузившись в свои мысли, я шел по набережной, кивками отвечая на приветствия людей, здоровающихся с опальным королевичем, как вдруг взгляд мой уперся во встречную пару. Эти люди были мне не знакомы. Мужчина был одет в штатский костюм серого цвета, сидевший на нем как военный мундир. Несомненная офицерская выправка и суровый взгляд серых глаз... На левом бедре у незнакомца висела шпага гражданского образца, но, в отличие от большинства штатских из благородного сословия, ему этот предмет был абсолютно привычен и не мешал при ходьбе, судя по пластике его движений. А еще от него исходила опасность – примерно такая же, как от тигра, вздумавшего прогуляться по набережной.

⁵ Арсен Караджоржевич с 1911 года тоже присоединился к «Черной руке», и это категорическое требование об удалении могло быть связано с тем, что организация определилась со своим претендентом на престол и не желала ничего менять.

Его спутница, с которой он шел не под руку, а просто рядом, была черноволоса, черноглаза, высока, полногруда и величава. Ее можно было принять за сербиянку, но я видел, что это дочь родственного нам, но другого народа. Обращали на себя внимание ее длинные сильные руки и размашистый шаг, больше приличествующий мужчине и офицеру. Если мужчина вызывал ассоциации с тигром, то она походила на пантеру, дикую и смертельно опасную. А еще у меня возникло впечатление, что эта дама сама по себе оружие.

У меня даже между лопаток зачесалось... Они шли прямо на меня, и расстояние между нами неумолимо сокращалось. Я не трус, но в тот момент меня охватило предчувствие великой беды, которая грозит всей Сербии... и эти двое, что идут мне навстречу, с этим как-то связаны.

А дальше случилось неожиданное. Сблизившись со мной на расстояние около метра, незнакомец остановился, приподнял мягкую шляпу жестом вежливости, улыбнулся и сказал по-русски:

– Добрый вечер, королевич Джоржи. Я долго тебя искал – и вот, наконец, мы с тобой встретились...

Я, конечно, мужчина резкий и не лезу за словом в карман, но тут даже и не нашелся, что ответить... Этот человек меня знает, а я его нет, поэтому у него преимущество. Кроме того, в словах и интонации незнакомца не было ни малейшей агрессии, а значит, любой резкий ответ был бы неверным. Обо мне и так шла слава как о неуравновешенном ти-

пе, который кидается на людей, будто оголодавший цепной пес, так что не стоило усугублять дурную репутацию...

Впрочем, пока я думал, что бы ответить, заговорила дама.

– Джоржи, – сказала она (также на русском языке), – ты нам очень нужен.

– Кому «вам», сударыня? – спросил я на русском. – Я, конечно, рад столь неожиданному знакомству, но не знаю ни как вас зовут, ни того, зачем я вам понадобился. Извините, но с анонимными личностями я дел не веду...

– Меня зовут Сергей Сергеевич Серегин, – сказал мужчина, еще раз приподняв шляпу под раскат небесного грома. – Я – самовластный государь княжества Великая Артанния, расположенного в пятьсот шестьдесят третьем году от рождения Христова, а также Специальный Исполнительный Агент Всемогущего Творца, выполняющий в различных мирах его особые задания. Рядом со мной – верный боевой товарищ сержант Ника Зайко, она же боец Кобра, адепт Хаоса, маг Огня высшей степени посвящения Темная Звезда. Прежде в мою сферу деятельности входили только различные этапы развития русского государства, которое я должен был делать сильнее и совершеннее, чем оно было до того, но в этом мире Всемогущий Творец дал мне понять, что и твой народ, Джоржи, тоже находится под моей защитой.

Я ошарашенно моргнул, и – о чудо – двое передо мной совершенно переменили свои одежды. Теперь на них была военная форма, чем-то напоминающая обмундирование рус-

ской армии; на бедре у мужчины вместо шпаги висел старинный меч в красиво украшенных ножнах, а у женщины рукоять оружия по-восточному торчала из-за плеча. Я закрыл и снова открыл глаза – картина пред мною не претерпела изменений; ущипнул себя за бедро и прочел «Отче Наш» – с тем же результатом. Двое стоящие передо мной не исчезали, не развеивались дымом, и не принимали прежний облик.

– Джоржи, ты же храбрый человек, – сказала мне странная воинствующая дама с двойным именем Ника-Кобра. – Выслушай то, что хочет сказать тебе Сергей Сергеевич, и только потом принимай решение.

– А как я узнаю, что вы говорите правду? – спросил я. – Слова – это только слова, и не более того...

– А мы можем не только рассказать, но и показать, – усмехнулся господин Серегин, – дать вам пощупать все своими руками, и только потом принять решение. Отважишься ли ты, Джоржи, прямо сейчас совершить визит в мои владения, выслушать там, на месте, мои предложения и принять решение, которое будет иметь жизненно важное значение для Сербии и всего сербского народа?

– Видите ли, господин Серегин, – замялся я, – еще пять лет назад господа из клики господина Димитриевиича отстранили меня от возможности принимать какие-либо государственные решения...

– Все это не имеет никакого значения, – усмехнулся мой визави, – и убедиться в этом вы сможете, побывав с визитом

в моей главной штаб-квартире. Ну, Джоржи, решайтесь. В конце концов, речь идет о судьбе вашей Родины. Или мне нужно было обратиться к вам в тот момент, когда на Белградских улицах будут рваться снаряды австрийской артиллерии?

– Ну хорошо, я согласен, – сказал я и тут же добавил: – Наверное, путь в ваши владения далек и займет недели и даже месяцы пути?

– Да нет, – ответил мой собеседник, – в моем сопровождении пройти туда можно очень быстро и просто – одна нога здесь, а другая там. Раз-два.

Шестьсот пятьдесят второй день в мире Содома, около пяти часов вечера. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Пока еще ненаследный сербский королевич Джоржи Караджоржевич.

Произнеся эти слова, господин Серегин взял меня за руку и увлек за собой в раскрывшееся жемчужное сияние – я и моргнуть не успел. Действительно, всего один шаг – и прямо с набережной Савы мы попали в какое-то другое место... То, что предстало перед моим взором, изрядно смахивало на древний город где-нибудь в джунглях Индокитая. Неистовый жар, благоухание мирры и ладана, башни-пагоды, поднимающиеся в бледно-голубые небеса и неистовое солнце, раскаленным шаром клонящееся к закату... Все это ошело-

милу меня настолько, что я потерял дар речи, и лишь ошарашенно озирался, раскрыв рот от изумления.

— Где мы? — неожиданно охрипшим голосом спросил я наконец у своих спутников, сразу же растеряв весь свой скепсис.

— Мы в Тридесятom царстве, — невозмутимо ответил господин Серегин, — иначе еще называемом миром Содомa. Тут, в бывшем запретном городе Ниц, расположена моя главная штаб-квартира. То, что вы видите перед собой — это райский оазис посреди крошечного ада, по сравнению с которым Османская империя покажется вам идеальным образцом государственного устройства. Запомните, Джоржи: и ад и рай на земле люди создают себе сами своими руками. Впрочем, все это детали. Идемте.

— Пойдите! — воскликнул я. — а как же там, в Белграде? Что подумают люди после того, как их принц исчез неизвестно куда вместе с двумя незнакомцами в иностранной военной форме?

— А ничего они не подумают, Джоржи, — отмахнулась Ника-Кобра. — Если кому-то придет в голову блажь расспрашивать людей на набережной, то все они дружно скажут, что вы по-дружески встретились со своими старыми знакомыми. Правда, потом рассказы будут разниться. Одни скажут, что мы все вместе ушли вниз по течению, по направлению к Белградской крепости, другие сообщат, что мы направились в противоположную сторону, третьи поведают, что мы сели за

столик в плавучей кафане (только они не сойдутся в мнении, в какой именно), а четвертые будут уверены, что мы пошли по одной из улиц в сторону центра города.

Услышав это, я только покачал головой. Наверное, если бы убить эрцгерцога Франца Фердинанда потребовалось господину Серегину, то глупый австриец умер бы, даже не поняв, кто и как его убивает. А люди бы потом были уверены, что его застрелил собственный охранник, или же он сам покончил с собой на глазах у всех.

– Нет, так мы не поступаем, – ответил господин Серегин, когда я изложил свои предположения. – Обычно у нас практикуется так называемый «визит каменного гостя», когда злодея в ночное время попросту по-тихому похищают из спальни, сколько бы слоев охраны ни стояло у дверей и окон. Я вообще предпочитаю убивать только на поле боя, и лишь немногих отборнейших мерзавцев приговариваю к казни на эшафоте. Вот представь себе: ты кого-нибудь казнил, и через некоторое выясняется, что только этот человек знал нечто важное. И что потом – рвать на себе волосы во всех неудобных местах, потому что из ада никого обратно уже не выдают?

Вот так, за разговорами, мы и пришли в главный штаб армии господина Серегина. А то, что тут квартирует именно армия, было видно невооруженным глазом, и даже не потому, что все встреченные нами люди (по большей части женского пола) были вооружены различными разновидностями

холодного оружия. Толпа вооруженного народа — это еще не армия, но местные обитатели на толпу совсем не похожи. Казалось, кинь господин Серегин боевой клич, и воинствующие девицы сразу выстроятся в блистающие новеньким оружием батальонные колонны.

По дороге мне дали испить из Источника Прохлады, попутно предупредив не пить из всех фонтанчиков подряд, если я не уверен, что знаю об их назначении. Потом быстро, насколько это было возможно, меня провели по всем интересным местам этого странного города, в подавляющем большинстве населенного женщинами различных разновидностей.

Особенно впечатляли смуглые мускулистые остроухие девки двухметрового роста, легко, будто прутики, таскающие в перевязях за спиной длинные двуручные мечи. Я, конечно, любитель пофехтовать, но абсолютно не представляю, как можно управляться с эдаким ломом. А эти диковатые красавицы справляются, да еще как!

Сделав небольшой круг, мы прошли мимо тренировочных полей, где несколько тысяч воительниц и воителей совершенно дикого вида отрабатывали приемы атаки и обороны, когда перед самой рукопашной схваткой винтовка забрасывается за спину, а в ход идет двуручный меч или алебарда. Господин Серегин любезно пояснил, что тут проходят подготовку совсем недавние рекруты его армии, пока составляющие резервный корпус.

Потом мы полюбовались на возвращающийся с учений

штурмовой бабий полк, укомплектованный остроухими де-вицами гренадерского роста, а затем встретили марширующую воинскую часть, целиком состоящую из обыкновенных мужчин. Как сказал господин Серегин, это раненые во время предыдущих кампаний русские солдаты, полностью излеченные в местном госпитале и теперь восстанавливающие навыки армейской службы. И всюду, где бы мы ни были, на господина Серегина и госпожу Кобру люди смотрели с любовью и обожанием, но при этом без всякого самоунижения и подобострастия. К тому моменту, когда мы добрались до штаба, у меня голова уже шла кругом от обилия полученных впечатлений. И больше всего мне было удивительно видеть армию, где есть верховный главнокомандующий, командиры и рядовые солдаты, но нет деления на господ и быдло. Я и сам не любитель делить людей по сортам, но господин Серегин довел этот принцип до абсолюта. Не каждый так сможет: получить в государстве высшую власть и ни капли ее не обратить на пользу себе, любимому, а всю без остатка употребить исключительно ради доверившихся ему людей.

Центр всего этого – так называемая Башня Силы. Тут, в этом месте, напитанном магией так же как, обычное болото влагой, каждое название имеет свое значение. Центр города – Площадь Фонтана Живой Воды (придающего этому месту такую особенную ценность), и вокруг него – четыре главные башни. Башня Силы предназначена для военных, Башня Мудрости – для ученых, Башня Терпения – для врачей,

монашествующих и работников служб государственной безопасности, а Башня Власти – для истинных монархов и политиков масштаба Бисмарка и Талейрана. Тех же, кто пошел во власть ради слепого тщеславия и алчного обогащения, Башня Власти размалывает на жестких жерновах в мелкую муку и исторгает вон. Я никогда не стремился властвовать, и взялся бы за этот нелегкий труд только ради того, чтобы принести пользу своей стране, а потому, собственно, без особого сопротивления уступил право наследования своему брату Александру. Не мое это, не мое.

И вот мы в помещении, которое господин Серегин использует как свой личный кабинет. Я уже понимаю, что тут, как на Ноевом ковчеге, людей из разных миров по паре из каждого мира. И не только людей. Графиня Зул бин Шаб из далекого нечеловеческого мира деммов способна произвести фурор на любом светском рауте – как экзотичной внешностью, так и утонченностью манер. Ничуть не меньше непривычного человека здесь может шокировать возможность столкнуться нос к носу с античным богом или богиней. И хорошо, если просто столкнуться. Один лихой поручник из артанского воинства, человек во всех смыслах замечательный, женился на закоренелой девственнице богине Артемиде законным браком, и теперь каждую ночь доказывает ей, что в деле постельных утех совершенство недостижимо, но к нему требуется стремиться не покладая ни рук, ни ног.

На этом фоне военный гений раннехристианских времен

Велизарий в форме генерал-лейтенанта Артанской армии выглядит вполне обыкновенно. На службе у господина Серегина этот человек провел уже несколько успешных сражений, и сейчас находится на хорошем счету. Я позволил себе усомниться в том, что навыки шестого века христианской эры можно с успехом использовать в наше время, и услышал в ответ, что Велизарий потому и гений, что уже в свое время использовал вполне современные нам тактические приемы. Австрийцам, в том случае, если ими будет заниматься этот человек, еще не раз предстоит рыдать горячими слезами, ибо в практике военного дела у господина Серегина он сейчас осваивает университетский курс, а все местные генералы еще ходят в начальную школу.

Наконец все приглашенные на встречу, включая православного священника, расселись вдоль длинного стола. К моему удивлению, за спиной у господина Серегина, застыв по стойке «смирно», встали юнак и юница в военной форме и при оружии. При этом еще один выюнош в штатском примерно того же возраста, как и те двое, будто равный к равным, сел вместе с взрослыми за стол по левую руку от господина Серегина и прямо напротив меня. И взгляды у всех троих молодых людей отнюдь не детские, а вполне себе взрослые – какие-то, можно сказать, прицельные. И тот юнак, что сидит напротив меня, мальчишка же совсем, а смотрит, будто спрашивает: «Кто ты такой, принц Джоржи, чего от тебя ждать завтра, а чего послезавтра, и стоишь ли ты того, чтобы наша

армия выступила на стороне твоей Сербии против Австрии, а может быть, и всего мира?»

Я с самого начала заподозрил, что звали меня не просто для того, чтобы «поговорить», а на обсуждение конкретного плана кампании, уже сложившегося в голове господина Серегина. То, что в воздухе пахнет войной, было понятно еще с момента Сараевского инцидента. Начальник австрийского генерального штаба генерал Франц Конрад фон Хётциндорф даже не скрывает, что его цель – полное уничтожение Сербии и Черногории. Условия будущего ультиматума, объявленные в частном порядке через прессу, делают его принятие невозможным для сербского правительства, даже если яростный националист Пашич оставит свой пост, передав власть в руки умеренных либералов вроде господина Джоржиевича. При этом Петербург колеблется, стоит ли поддерживать государство, запачкавшее свое имя в терроризме, и эти колебания могут стоить нам очень дорого. И как раз в этот критический момент со всей своей мощью появляется господин Серегин, который только что закончил предыдущую кампанию, и заявляет, что я ему нужен.

И эти мои предположение блестящим образом подтвердились.

– Товарищи и некоторые господа, – сказал Серегин, – перед началом обсуждения планов будущей кампании хочу представить вам одного молодого человека, отставного наследного сербского королевича Джоржи. Поскольку его пре-

емник принц Александр по показателям личной морали и порядочности не подходит для оказания ему нашей помощи, мы считаем необходимым немедленно переиграть все тамошние интриги в обратную сторону. А если кто-то попытается оказать сопротивление этим нашим хорошим начинаниям, то мы будем к этим людям немножечко беспощадны.

Я хотел было сказать, что совсем не стремлюсь к власти, но тут заговорила моложавая седоволосая дама, сидящая почти прямо напротив меня, рядом со странным юнаком. Удивительно: выглядит она моей ровесницей, не больше чем на двадцать пять лет, а волосы у нее совсем седые, да и взгляд железных серых глаз таков, будто прожила она не менее тысячи лет. Всего один испытующий взгляд в мою сторону – а по голове уже побежали неприятные мурашки...

– Сергей Сергеевич, – с заметным немецким акцентом произнесла эта особа, – принц Юрген, конечно, очень талантливый человек и хороший товарищ, но он непригоден для занятия престола. Исключение можно сделать только для того случая, когда он будет сидеть на троне, олицетворяя собой государство, и командовать армией, а всеми прочими государственными делами от его имени будет заправлять совсем другой человек, но не легкозаменяемый премьер-министр.

– Да, – сказал сидящий напротив меня юнак, вытащив из-за отворота рубашки подвеску с черным камнем, – я подтверждаю слова товарища Бергман. В ауре этого человека

имеются отчетливые признаки энергии Хаоса. По своей мощи он не равен Нике и не способен сбивать драконов огненными шарами, но все равно переносить его вблизи сможет только тот человек, который будет любить его больше самой жизни. С людьми, одержимыми Хаосом, всегда так: восхищаться ими лучше на безопасном расстоянии. И только искренняя любовь способна перебросить мост от них к обыкновенному человеку. Точнее сможет сказать только Анна Сергеевна, если проведет с этим человеком один из своих сеансов...

– Нет уж, Дима, – ответила зеленоглазая брюнетка, волосы которой были собраны в кокетливую прическу, украшенную разноцветными прядями, – лазить в мозги даже к дружелюбно настроенным одержимым Хаосом – такое себе удовольствие, и при отсутствии особой необходимости от него лучше воздерживаться. Вот если станет понятно, что без моей помощи этому молодому человеку будет очень плохо – тогда я сделаю все, чтобы помочь ему разобраться в самом себе.

– А я, – сказала рогатая-хвостатая мисс Зул, – чувствую в нем нашу кровь. Ее немного, процента два-три, но в сочетании со склонностью к Хаосу она может сделать этого юношу трудным партнером для большинства безрогих-бесхвостых самок. Хотя я лично дала бы ему пару сеансов горизонтальных танцев...

– Приплыли, – сказал господин Серегин, добавив креп-

кое слово. – Елизавета Дмитриевна, как слова наших несомненных экспертов – товарища Бергман, Димы Колдуна и мисс Зул, не говоря уже о мнении бойца Птицы – согласуются с вашей информацией о том что присутствующий среди нас принц Джоржи в вашем мире оказался для своей страны хорошим королем?

Я, честно сказать, совсем ничего не понял. То есть каждое слово по отдельности в этом обмене мнениями понятно, а все они вместе – уже нет. Елизавета Дмитриевна – это, насколько я понял, пышногрудая блондинка в мундире несколько иного образца, чем у господина Серегина. А еще она жена здешнего владельца, но за пределами семейной половины своего дома эта пара выглядят как строгий начальник и вышколенная подчиненная.

– Возможно, все дело в том, – неуверенно сказала она, – что, в отличие от миров Основной Последовательности, в нашем мире Джоржи был счастливо женат на Великой княжне Ольге Николаевне Романовой. Любили они друг друга всю жизнь, и королева Ольга пережила своего мужа только на две недели, скончавшись от горя и волнения.

– Да, так бывает, – подтвердила еще одна темноволосая юница в древнегреческом наряде, возникнув прямо из воздуха на пустом стуле (вероятно, оставленном специально для нее). – Если между двумя людьми имеется сильная ментальная и эмоциональная связь, то один партнер, уходя в царство Аида, тянет за собой второго, даже не желая его смерти. Это

и называется у вас, русских, «любовь до гроба».

– Спасибо за консультацию, Лилия, – сухо кивнул господин Серегин. – Но скажи, что нам делать в том случае, если у нас война на носу, а проверенная кандидатура для создания правящего сербского тандема с наивысшей степенью вероятности будет заблокирована ее родителями? Да и затевать сейчас брачные игры несколько не ко времени, к тому же этот принц Джоржи может совсем не понравиться этой Великой княжне Ольге, и наоборот...

– Ну, папочка, все очень просто, – сказала Лилия. – Я могу привести в работоспособное состояние его отца, и тогда на нем ты вытянешь всю кампанию, а также кое-что еще. А семейные проблемы этого милого молодого человека с подбором подходящей кандидатуры для тандема можно будет решить потом без особой спешки. Цвета Хаоса в спектре ауры – это еще не приговор, и на Великой княжне Ольге свет клином не сошелся...

Господин Серегин нахмурился, так что над головой у него начал прорезаться призрак нимба, и спросил:

– Ты предлагаешь мне постоять за тронем этого неплохого, но слабовольного человека так же, как там стояли господин Димитриевич и кампания?

– Не совсем так, – отпарировала Лилия, – ведь ты же не будешь заставлять старого человека делать то, что противно его натуре, совершать подлости и глупости, а под конец, из-за несбыточных мечтаний, не поставишь его страну на грань

полного уничтожения? Сейчас он спрятался в свою деменцию от ужасного внешнего мира, будто ребенок, при малейшей опасности лезущий «в домик». Поэтому вместе с проведением чисто медицинских процедур, которые наладят его физиологию, мы должны показать этому человеку, что теперь у Сербии есть надежный и сильный союзник, который, обнажив меч, встанет рядом и не даст ее в обиду.

– Действительно, – сказал господин Серегин, – я не Дмитриевич, и никогда не действую его методами. Тот, кто со мной сотрудничает, делает это абсолютно добровольно, без всяческого принуждения, к своему собственному благу и благу своей страны. Как говорят англичане, которые понимают толк во всяческих принуждениях и извращениях, «можно привести лошадь к водопою, но нельзя заставить ее пить». Теперь осталось узнать мнение нашего гостя – он встанет в один строй вместе с нами или, когда мы станем защищать его страну, будет биться с врагом сам по себе?

Наговорили про меня множество всякого разного, а я и не знал, что ответить. Но в одном все эксперты были правы: чтобы я женился, я должен полюбить эту девушку всей душой, и тогда я отдам ей все, что у меня есть. Иначе никак. Такой уж у меня характер. А еще я всегда говорю людям в глаза все, что о них думаю, но сейчас мне не хочется произносить никаких резких слов. Энергия Хаоса в спектре ауры – ничуть не худшее объяснение моего упрямого неуступчивого характера, чем «невоспитанный засранец». Непрошенных

«воспитателей» я всегда посылаю в задницу, но не откажусь, чтобы опытные люди помогли мне разобраться в самом себе. Эта Анна Сергеевна, она же боец Птица, смотрит на меня с таким же доброжелательным участием, с каким смотрела сестра Елена, прежде чем вышла замуж и уехала в Россию. Но это уже потом, а дела – прежде всего. На первом месте всегда моя страна и ее народ, на втором – мой дорогой Папа и сестра, на третьем уже я сам. Если этой госпоже Лилии удастся вернуть здоровье моему отцу, а господин Серегин будто крыс передушит облепивших его господ Димитриевичей, приведших нашу Сербию на бойню войны с Австро-Венгрией, то я буду им верным и благодарным союзником по гроб своей жизни. Но самое главное в том, что я верю, что для этих людей возможно все, что они обещают. Я знаю их не более пары часов, а такое впечатление, что мы знакомы всю мою жизнь...

– Да, господин Серегин, – сказал я, – ради Сербии я встану с вами в один строй и буду биться с нашими общими врагами, не жалея своей крови. А если вы сумеете помочь и моему престарелому отцу, то моя сыновняя благодарность к вам будет безмерна.

– В таком случае, – сказал господин Серегин, глянув на часы, – мы выступаем через шесть часов, когда в Белграде все будут дрыхнуть без задних ног. Командовать парадом буду лично я. В составе группы – принц Джоржи, Лилия, Колдун, боец Птица, товарищ Бергман, Кобра и мои адъютанты.

Задача Лилии – привести короля Петра в ясный ум и твердую память, а потом я проведу с ним переговоры как один монарх с другим монархом, минуя всяческие промежуточные инстанции. Остальные члены группы наблюдают, ассистируют или выступают в качестве силовой поддержки. Все остальные свободны. А сейчас, поскольку наш новый друг согласился сотрудничать, прошу отче Александра, Колдуна и Лилию провести с ним установочное собеседование и первичный осмотр. Сеанс с бойцом Птицей – только если в ходе предыдущего обследования выявится его острая необходимость...

Я собрался было возразить – в том смысле, что чувствую себя хорошо и не нуждаюсь в медицинской помощи, но господин Серегин подрубил мои аргументы прямо на взлете.

– Не делайте такое лицо, молодой человек, – сказал он, – театр начинается с вешалки, а тридесатое царство – с медицинского осмотра. Без беседы с отцом Александром вы попросту не узнаете, что и откуда взялось, а также где лежит грань между добром и злом. Дима-Колдун – не обращайтесь внимания на его молодость, мальчик трудится за трех взрослых – поможет вам разобраться с цветами Хаоса в спектре ауры, а Лилия обнаружит все ваши болячки и старые раны (кроме сердечных), что так противно ноют перед дождем, и наметит пути их полного излечения. Тут при условии искреннего сотрудничества вам совершенно бесплатно могут помочь с проблемами, с которыми в вашем мире не справит-

ся ни одна клиника, даже самая дорогая. Если мы, к примеру, договоримся с вашим отцом, то вполне сможем организовать ему такой курс лечения, что он, сохраняя облик «крепкого старика», внутри будет иметь волчье здоровье двадцатипятилетнего юноши. Так что швыдче, швыдче, друг мой, тут вас не обидят.

В ответ на эти слова я встал и направился к священнику, уже ожидающему меня у выхода из кабинета, подумав при этом, что ничуть не жалею о своем согласии «поговорить», данном в своем мире на набережной Савы.

6 июля 1914 года, 01:05. Белград, Королевский (ныне Старый) дворец, резиденция правящей династии Карагеоргиевичей, королевская спальня.

Король Петр спал тяжелым беспокойным полусном-полубредом. Итог его длинной семидесятилетней жизни оказался тяжек. Сначала были пятьдесят девять лет горького изгнания, потому что трон в Белграде узурпировала конкурирующая династия Обреновичей. В те годы над ним буквально висел смертный приговор по ложному обвинению в государственной измене. Потом, после переворота 1903 года, потянулись одиннадцать лет призрачной власти, со стоящими за тронем кукловодами из «Черной руки». Эта тайная, якобы патриотическая, организация, пережиток эпохи борьбы за национальную самостоятельность, пронизала собой все поры и трещинки сербского государства, везде у нее были свои

люди, если не на первых, так на вторых-третьих постах.

Для стороннего наблюдателя все выглядело вполне благопристойно. Король, закончивший французскую академию Сен-Сир, пытался создать в Сербии конституционную монархию в классическом западно-европейском стиле. Сербская Конституция 1903 года уходила корнями в Конституцию Бельгии 1831 года, считавшуюся одной из самых либеральных в Европе. Правительство формировалось из депутатов партий, входящих в парламентское большинство, которое после свержения Милана Обреновича по большей части принадлежало Народной Радикальной Партии. Лидеры этой партии чередовали друг друга на премьерской должности, создавая иллюзию сменяемости власти. Сам король Пётр выступал за более широкое коалиционное правительство, демонстрирующее миру сербскую демократию, но старого дурака не слушали ни народные массы, голосовавшие за тех, кто обещал им восстановление национального единства, ни господ политиканы, которые, дорвавшись до монополии власти, весело играли в политическую чехарду⁶.

Если во времена правления династии Обреновичей политический компас Сербии был нацелен на Вену и Будапешт, то король Пётр Караджоржевич постарался перевести его

⁶ Чехарда – игра, участники которой поочерёдно прыгают через своих партнёров, стоящих в согнутом положении. Чехарда развивает ловкость, координацию движений, глазомер, смелость, уверенность и силу в руках и ногах. В переносном значении – частые беспорядочные перемены и смещения (например «министерская чехарда»).

в сторону России и Франции, что, в свою очередь, испортило отношения с Австро-Венгрией. Вот уже одиннадцать лет император Франц-Иосиф кушать не мог – так ненавидел бедную Сербию. И вот происходит дурацкое покушение на Франца Фердинанда в Сараево, исполнителей берут живыми всех до единого, и на допросах они рассказывают, как должностные лица сербской разведки давали им задание убить наследника австро-венгерского престола, снабжали оружием и переправляли через границу.

Собственно, уже этого было бы достаточно для выдвижения претензий, равносильных объявлению войны, но как раз в этот момент австро-венгерские газеты разражаются шквалом публикаций, обвиняющих в организации покушения младшего сына короля Петра, наследного принца Сербии Александра Караджоржевича. Прочитав об этом в газетах, король мгновенно понимает, что все это не газетная утка и не клевета, а святая истинная правда. Все! С этой минуты короля Петра не существует – он впал в старческую деменцию, и невозможно даже пустить в дело заранее подготовленный и подписанный указ о регентстве королевича Александра, поскольку на такой ход Вена и Будапешт немедленно ответят артиллерийскими залпами.

И вот королевский дворец заснул тяжелым беспокойным сном. Спит король Петр, спит принц Александр, спит дворцовая прислуга, и даже охрана дрыхнет на своих постах, опираясь на винтовки. Спят даже собаки в будках и кошки на

своих лежанках, хотя им по ночам положено трудиться и гонять мышей. Впрочем, ничего удивительного: ведь дворец до третьих петухов накрыло заклинание мертвого сна, и люди, которые сейчас не спят, входят в свиту самовластного Артанского князя Серегина, прибывшего к своему сербскому коллеге с рабочим визитом. Вот он идет по полутемным коридорам, и меч Бога Войны покачивается у него на бедре. Рядом с ним – старший и опальный сын короля Петра, королевич Джоржи. Он решителен и сосредоточен, ибо увидел шанс изменить к лучшему как свою судьбу, так и судьбу всей Сербии. Впрочем, все не так. Сербия для старшего из королевичей превыше всего, а своя судьба проходит по категории «разное». Следом за этими двумя попарно идут Дима-Колдун и Лилия, Анна Сергеевна и товарищ Бергман, Митя-Профессор и Ася-Матильда, а замыкает процессию Ника-Кобра, опасная как ядовитая змея на тропе войны.

Вот и королевская спальня. Дима-Колдун шепчет заклинание Сытого Железа – и дверь открывается совсем без скрипа, лишь с легким щелчком английского замка. Тишина. Огромная кровать под балдахином, а на ней, среди скомканных простыней, в огромной ночной рубаше не по размеру, свернулся в клубочек, будто пытаясь защититься от внешнего мира, худой и костлявый старый король Петр, больше похожий на высохшего кузнечика. Но для королевича Джоржи это самый дорогой человек на свете, и при виде старческой беспомощности своего пожилого родителя на его глазах вы-

ступают слезы.

Лилия подходит к кровати, смотрит на старого короля, потом поворачивает голову и говорит:

– Джоржи, мне нужно чтобы ты помог мне. Для успеха лечения твоего отца нужно положить ровно у края кровати, а то будет нехорошо, если целая богиня поползет к нему по постели на коленях. Не бойся, он не проснется, пока я не дам ему испить священной воды из источника жизни.

На помощь королевичу Джоржи приходят Дима-Колдун и пажи адъютанты Серегина; вчетвером, частично магией, а частично руками, они достают старого короля из его берлоги, свитой из одеял и простыней, и укладывают ровно на краю ложа, предварительно расправив все члены. Лилия сдвигает со лба непокорную челку, говорит куда-то в пространство: «Кыш, противные!» (имея в виду Лиссу, Ату, Манию и прочих богинь безумия) и приступает к священнодействию пальцетерапией. Король ойкает и охает сквозь сон, но не просыпается, а дело тем временем движется бодро. Вот в руках у богини-целительницы появляется большой бокал, наполненный пузырящейся от избытка энергии живой водой, она делает знак, и Митя-Профессор с Асей-Матильдой усаживают старого короля на постели. Лилия подносит стакан к губам короля Петра – и тот, не просыпаясь, начинает жадно пить из него крупными глотками. С последним глотком глаза, в которых больше нет ни грана безумия, открываются, и сербский король растерянно оглядывается по сторонам.

Узнав своего старшего сына (вот от кого он не ждет никаких пакостей) он растерянно спрашивает:

– Джоржи, кто все эти люди?

– Дорогой Папа, – отвечает тот, – позволь представить тебе самовластного Артанского князя Серегина, воина и полководца, носителя священного меча архангела Михаила, победителя сатанинского отродья херра Тойфеля, аварского кагана Бояна, монгольского хана Батыги, императора Наполеона и множества других злобных и опасных врагов... А также Специального Исполнительного Агента Всемогущего Творца Всего Сущего, уполномоченного исправлять кровавые зигзаги человеческой истории.

Едва королевич Джоржи заканчивает говорить, грохочет гром, а Артанский князь на мгновение подвыдерживает свой меч из ножен, затопляя королевскую спальню ослепительной вспышкой света Первого Дня Творения. Ослепленный король растерянно моргает, потом начинает неистово креститься. Но неожиданные гости из королевской спальни никуда не пропадают.

– Успокойся, папа, – говорит Джоржи, – господин Серегин пришел к нам предложить помощь против австрийцев, Димитриевичей и прочей пакости, облепившей нашу страну, будто блохи шелудивую собаку. Поверь моему слову – а я был в расположении штаб-квартиры Артанского князя и уверился, что у него имеются возможности для того, чтобы нанести Австрии военное поражение, присоединив к Сер-

бии земли с преобладанием коренного сербского населения. Но не более того. Та Великая Сербия, которую на обломках умирающей Австро-Венгерской империи вознамерились построить господа Димитриевич, Пашич и другие наши записные националисты – это путь в никуда. Итогом такой авантюры будет только гноище, пепелище и новые страдания нашего несчастного народа. Так было в мире сто лет тому вперед, из которого происходит Артанский князь, когда Сербия сперва перессорилась со всеми, в том числе и с Россией, а потом пала ниц от бессилия, чтобы не подняться больше никогда. Нет уж, задачи себе надо выбирать по плечу, а среди союзников отличать искренних друзей от тех, кто использует Сербию в качестве одноразового инструмента, который не жалко и выбросить.

– Я тебя совсем не понимаю, сын... – бормочет король, – о чем ты говоришь?

– Я говорю о покушении в Сараево, которое случилось не потому, что наши националисты совсем обезумели, а по приказу из Парижа, – ответил Джоржи. – При этом французским политикам безразлично, что случится с Сербией после того, как ей объявит войну Австро-Венгрия, а Россия во исполнение союзнического долга перед Сербией начнет мобилизацию своей армии. Самое главное, что Германия объявит войну России, а это означает, что Франция может присоединиться к всеобщему «веселью», вторгнувшись в Эльзас и Лотарингию. При этом месье Клемансо абсолютно все равно,

сколько сербов погибнет ради того, чтобы привести в движение этот механизм – главное, что его цель реванша за прошлую франко-прусскую войну будет достигнута. Мы не будем сейчас говорить о том, кому и в какую цену обойдется эта авантюра, ибо господин Серегин намеревается сместить карты и раздать их по новой. Главное в том, что организаторы покушения на Франца Фердинанда действовали не в сербских, а во французских интересах, а следовательно, являются государственными изменниками.

После этих слов королевича Джоржи наступила тишина, которую прервал Артанский князь.

– Сербский король Петр, – сказал он, – согласны ли вы заключить со мной оборонительный союз против поползновений Австрии или любой другой державы, как один самовластный монарх с другим, без посредничества различных «демократических» политиканов, являющихся в вашей стране инструментом иностранного влияния? Залогом этому союзу будет только Божья Воля, освящающая все мои действия в подлунных мирах. Согласны ли вы назначить своего старшего сына Джоржи своим полноправным представителем в моей Ставке с правом в случае необходимости отдавать приказы сербским частям и соединениям? Согласны ли вы с тем, что ваш младший сын Александр, примкнувший к тайной организации террористического толка, должен быть подвергнут аресту и следствию по делам об узурпации власти и разжиганию убийственной для Сербии войны? Обещаю,

что в случае вашего согласия следствие будет проходить при участии вашего сына Джоржи, а судить преступника мы будем нашим общим судом. Обо всех прочих участниках этой гадской организации речи вообще не идет – всех их, раз уж они такие патриоты, стоит собрать в один штурмовой батальон и бросить на штурм австрийских позиций, предоставив возможность погибнуть как героям. А тех из них, кто откажется от такой чести – расстрелять в овраге как бешеных собак.

Выслушав это предложение и последовавшие за ним раскаты грома, король Петр посмотрел на сына Джоржи, который, конечно, был вспыльчивым малым, но в вопросах чести считался нравственным эталоном. Увидев, что его сын чуть заметно кивнул, сербский король выпрямил спину, чтобы даже в ночной рубашке смотреться по-королевски, и произнес:

– Да, господин Серегин, я согласен заключить с вами такой союз, назначить своего старшего сына Джоржи своим представителем при вашей ставке с правом отдавать приказы сербской армии, а также начать совместное следствие против моего второго сына Александра...

И тут садануло так, что чуть не вылетели стекла. Устный договор между двумя монархами был заключен, а поскольку оба они относились к своим словам более чем серьезно, эти несколько слов значили больше, чем многостраничный документ с множеством печатей. Если у человека нет чести, его

не остановит никакая подписанная им бумага, а если честь присутствует, то достаточно нескольких слов.

– Быть может, если Александр исчезнет с горизонта, австрийцы хоть немного успокоятся... – закончил король свою мысль, когда утихли громовые раскаты.

– Не успокоятся, – ответил Артанский князь. – В Шёнбруннском дворце свои интриги, которые сейчас долго объяснять. А сейчас, ваше Величество, позвольте нам откланяться и предоставить вам возможность продолжить почитать как и прежде. А у нас этой ночью еще будет много дел.

– Да, пожалуй, идите, – сказал король, – мне тоже надо о многом подумать и хорошо выспаться, ведь как я понимаю, утро у меня будет тяжелое...

– Да, кстати, – сказала Лилия, над головой которой зажегся маленький сияющий нимбик, – с этого дня каждый вечер вы будете находить на туалетном столике стакан с живой водой, вроде той, что вы испили только что. Выпивайте его на ночь, и тогда весь следующий день у вас будет хватать сил и кое-что останется в запасе. А теперь все, папочка, нам пора уходить, нас ждут пациенты госпожи Бергман. Суета у нас этой ночью будет немалая – в этом ты был, несомненно, прав.

Шестьсот пятьдесят четвертый день в мире Содома, около полудня. Заброшенный город в Высоком Лесу, Площадь Фонтана.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь

Артанский.

Операция «Охота на крыс» продолжалась ровным счетом тридцать шесть часов. Первым, прямо в королевском дворце, мы взяли принца Александра. Очнулся от мертвого сна этот скунс только в камере для допросов, напротив товарища Бригитты Бергман на привинченном к полу табурете. И понеслось стандартное: явки и пароли. Лгать и выкручиваться перед товарищем Бергман – занятие бесполезное, ответы на свои вопросы она читает прямо из сознания подсудимого. И не нужно никого бить ногами, тем более о неприменении к его брату физического насилия просил королевич Джоржи. При этом нам не нужно было арестовывать всех участников «Черной руки» (а таковых насчитывалась несколько тысяч). Большая их часть являлась мелкими сошками и думала, что верно служит своей стране. Вместо этого нам требовалось выбить из строя верхушку организации и полностью лишить ее дееспособности, – а дальше рассосется само, ибо многие вступали в это «Черную руку» исключительно с целью ускорения карьеры, как во время оно в КПСС⁷. А как раз всю верхушку своей организации принц Александр знает наперечет.

Небольшая незадача вышла только с господином Димитриевичем. Этот олух царя небесного по неопытности попы-

⁷ Компартия СССР к девяностому году насчитывала почти двадцать миллионов членов «ради карьеры», но развеялась прахом всего за одну ночь. И валялись потом партбилеты в дальних ящиках стола, запыленные и всеми забытые, потому что жечь их на камеру придет в голову только самому бесстыжему карьеристу.

тался броситься на меня с саблей. Саблю пришлось отобрать, а руку, которая ее держала – немножко поломать в двух местах. Ну что тут можно сказать... с Аресом я провозился гораздо дольше, ведь тот все же был воином, а Дмитриевич рассчитывал только на свою бычью силу. Но против силы у меня есть приемы из прошлой жизни, большой опыт и энергооболочка, просчитывающая намерения противника еще до того, как тот начнет действовать. Вот и результат налицо. Если я сочту господина Дмитриевича безнадежным, то на эшафот он сможет взойти и со сломанной рукой, а если нет, то отдам его Лилии, пусть упражняется.

Одновременно с началом арестов руководителей «Черной Руки» встрепенувшийся король Петр издал указ о Чрезвычайном Положении в предвоенный период. Всеобщая мобилизация. Враг у ворот. Отставка правительства, роспуск парламента и приостановка действия Конституции. Сама по себе эта конституция не такая плохая, но прежде чем она вернется в оборот, необходимо выиграть войну, провести судебный процесс века над ее поджигателями, а потом организовать новые выборы, и уже после них пусть все будет сусально, либерально и демократично. А сейчас не до баловства. До войны, считай, уже рукой подать.

И вишь ты – после того как главные смутьяны подевались неизвестно куда (на самом деле в застенки к товарищу Бергман и герру Шмидту), то и возмущаться творящимся произволом никто не стал. Хотя никаких зловещих слухов по Бел-

граду еще не ходит, Артанский князь во всем великолепии показывался только королевичу Джоржи и его отцу, а недоброжелательных хоть в парламенте, хоть просто на улице – ни одного. Или это так их выдрессировала «Черная Рука», по поводу и без повода пускавшая в ход физическое насилие.

Тут в ходе следствия по делу майора Танкосича, главного организатора Сараевского покушения, выяснился один интересный факт. В 1902 году этот деятель, пребывая в чине поручника сербской армии, до полусмерти избил некоего британского журналиста, бывшего в Белграде проездом. Наглый англосакс на людях хамски отозвался о Сербии и о сербах, и душа сербского патриота не выдержала. Все бы ничего, но журналист с литературным псевдонимом Саврола по документам проходил как Уинстон Черчилль. Вот вам и молодой журналист. Товарищ Бергман, сообщившая мне этот факт, сама пребывала в легком обалдении. А ведь, казалось бы, эту «снежную королеву» ничем не проймешь.

Однако в связи с формированием Чрезвычайного Правительства возникла необходимость в чрезвычайном премьере для него. Если оставить в этой должности господина Пашича или кого-то из его коллег по Народной Радикальной Партии, то получается, что не стоило и огород городить. Причина всех сербских бед кроется в экстремистски настроенной интеллигенции, жаждущей на основе королевства Караджоржевичей создать Великосербскую (Югославскую) империю, включающую в себя все славянские и даже неславян-

ские народы Балкан. Этих людей не смущает то, что ради построения так желаемой ими империи они должны победить и пустить прахом Австро-Венгрию, Румынию, Болгарию, Грецию, а также подмять под себя Албанию, которая, конечно, ни рыба ни мясо, но очень свободолюбива. Любой, кто попробует наложить руку на ту землю, огребет не одно ведро геморроя. С Австро-Венгрией не легче. Нет, разгромить и разобрать ее на запчасти вполне возможно, но тамошние народы, убегающие из клетки с надписью «Габсбурги», отнюдь не жаждут попасть в такую же клетку «Караджоржевичи».

Так что следует относиться к делу тщательней, и народных радикалов на ответственных постах заменять их прямой противоположностью. По счастью, от королевича Джоржи я знал, что нужный мне человек в местной реальности имеется. Это Владан Джоржевич – врач, первый сербский полковник санитарной службы, в разные годы начальник военного и гражданского санитарного управления, экс-мэр Белграда, экс-премьер-министр и экс-министр иностранных дел, экс-главный редактор журнала «Сербский архив медицины». Ныне он пребывает в Белграде во внутреннем изгнании, не имея возможности использовать свои таланты на благо Сербии, а все потому, что поссорился с господином Димитриевичем, в своей книге «Конец одной династии» весьма едко описав переворот 1903 года.

Почетного в той истории и на самом деле было мало. Хотя покойники были людьми малосимпатичными, от того, что

натворили во время переворота маньяки из «Черной Руки», стошнит любого нормального человека. А Владана Джоржевича, рассказавшего ту историю, обвинили в разглашении государственной тайны и на шесть месяцев посадили в Белградскую тюрьму. Мол, мы здесь власть. Поэтому у меня, честно говоря, возникла мысль пойти в камеру к Дмитриевичу и сломать ему вторую руку, а также обе ноги сразу. Так сказать, для симметрии. Не люблю мелочных мстительных мерзавцев. Но, к счастью для потенциального круглого инвалида, остыв, я эту идею оставил. Не мой это модус операнди.

К господину Джоржевичу в гости мы пошли совсем малой кампанией: я, Джоржи и Лилия. При этом Джоржи был нашей верительной грамотой, а Лилия увязалась, чтобы посмотреть на местную знаменитость широкого профиля: военный, врач, управленец и политик – все в одном флаконе. Ну и вообще она у нас очень милая девочка, и способна уговорить кого угодно и на что угодно. А то король Петр уже присылал этому человеку приглашение прибыть на аудиенцию для обсуждения кадровых перспектив, а тот им проманкировал⁸. Гордый. Мол, с политической деятельностью покончено навсегда, как и хотел ваш прихвостень господин Дмитриевич. И вообще, сами вляпались в эту историю с покушением на эрцгерцога Франца Фердинанда, сами и выпутывайтесь.

На самом деле получилось так, что старик оказался сму-

⁸ Манкировать (устар.) – игнорировать, не обращать внимания.

щен и ошарашен нашим визитом. Поскольку он не поддерживал сумасшедших идей великосербских национал-интеллектуалов, его постарались оттеснить как можно дальше от политической жизни во тьму забвения. Он уже думал, что в его жизни все самое интересное уже в прошлом: династия Обреновичей⁹, которой он служил верой и правдой, безвозвратно умерла, а нынешний король из враждебной ему династии Караджоржевичей зовет к себе, чтобы поиздеваться над пожилым человеком.

И вдруг к отставному премьеру прямо на дом является такой же униженный и оскорбленный «Черной Рукой» королевич Джоржи, а с ним те, кого в этом мире просто не может быть. Я не только про себя (ничего не сделал, только вошел), а в основном про Лилию. Именно она так очаровала этого незаурядного человека, при рождении получившего греческое имя Гиппократ (крестный был пророком), что тот почти без споров согласился проследовать за нами в Тридесатое царство. А может быть, все дело в королевиче Джоржи, который в местном обществе работает кем-то вроде детектора правдивости. Прежде чем представить кого-то своим знакомым или даже малознакомым, он в первую очередь сам убедится в правдивости этого человека, и только потом будет рекомендовать его другим.

⁹ Джоржевич называл период своего премьерства 1897–1900 года во время правления последнего короля из династии Обреновичей режимом «порядка и труда».

И вот, собрав походный саквояж, бывший и будущий премьер сербского королевства перешагивает через порог своего дома, ожидая увидеть запряженный лошадьми экипаж, но неожиданно для себя оказывается под прокаленными солнцем небесами Тридесятого царства...

– Вот, господин Джоржевич, – говорю я, – вы в моих владениях. Я же говорил вам, что путь к ним может быть очень короток – одна нога уже здесь, а вторая еще там. Или наоборот. Вон там, впереди – запретный город Ниц, который я обратил в свою штаб-квартиру. А запретным для предыдущих хозяев он был оттого, что в самой его середине бьет фонтан самой настоящей живой воды, напитывающий этот мир магией. Идемте, я покажу вам это чудо.

– А я-то думал, что вы, господин Серегин, будете уговаривать меня пойти на службу к узурпатору престола Петру Караджоржевичу... – с долей сарказма отозвался господин Джоржевич, настороженно озираясь.

– И не подумаю вас уговаривать! – ответил я. – Решение занять должность премьер-министра в этот ключевой для страны момент вы должны принять абсолютно самостоятельно. И случится это в тот момент, когда вы осознаете, что будете служить не Караджоржевичам, Обреновичам или кому-то еще, а Сербии – точно так же, как я служу не Рюриковичам, не Романовым и не кому еще, а России. Интересы Родины для вас должны быть важнее междинастических свар, тем более что династия Обреновичей пресеклась полностью

и бесповоротно, а два ее последних представителя не блистали человеческими достоинствами. Я бы таким и захудалой деревней править не позволил, потому что и там тоже живут люди, желающие в жизни счастья, а не сплошных мучений.

— А что, — поинтересовался господин Джоржевич, — вам приходилось решать, кто из претендентов будет править страной, а кого забьют, будто свинью на бойне?

— Приходилось! — ответил я. — Только, в отличие от случая с Александром Обреновичем, свергнутые мной властители не были убиты, а оставались живы-здоровы, и даже пользовались впоследствии некоторой свободой во вполне комфортных условиях. И уж тем более я никогда не устраивал кровавых спектаклей на потеху толпе. Вам, наверное, не понять, что настоящий выбор приходится делать не между добром и злом, а между двумя разновидностями зла, меньшим и большим — когда знаешь, что если оставить этого человека править страной, то он за некоторый, весьма короткий, срок доведет ее до полного разорения, смуты и хаоса, ничего не поймет, сгинет в кровавой революционной круговерти вместе со своей семьей, да еще утащит за собой двадцать миллионов своих подданных. А с другой стороны, любая смена монарха — это смута, разброд и шатания, правда, значительно меньше масштабом, чем при революции, а также время, когда ушлые либеральные личности желают превратить абсолютную монархию в конституционную, или вообще установить республику.

Владан Джоржевич при моем последнем заявлении даже с шага сбился.

— А что, господин Серегин, вы что-то имеете против конституционной монархии? — с некоторым раздражением спросил он. — Республика, с моей точки зрения, это уже перебор, зато конституционная монархия способна обеспечить народу свободу слова, полную личную защиту и защиту прав собственности, полную независимость судебной власти, автономию муниципалитетов и свободную рыночную экономику.

— Республика — это такая общественная конструкция, при которой страной руководит стадо баранов, зачастую возглавляемое козлом, — сказал я. — Настоящие люди на премьерских и президентских должностях встречаются крайне редко, но даже в таком случае качество депутатского корпуса по большей части далеко не идеально. Конституционная монархия — это такая штука, когда бараны во главе с козлом не только руководят страной, но еще и виляют бесправным и бессильным монархом. И самое главное — если их спрашивают, почему дела в стране идут так плохо, то они всегда могут сказать, что во всем виноват король. Нет уж, чистая республика или самодержавная монархия гораздо честнее — так хотя бы известно, кого в случае общенациональных неудач следует судить всенародным судом и отправлять на эшафот. Не может быть Власти без Ответственности, и эту мысль следует гвоздем вколачивать в головы всех политических деятелей, вне зависимости от их демократического или монар-

хического статуса.

— А как же власть тайная, то есть самая подлая? — воскликнул господин Джоржевич. — Господин Димитриевич, которого нет нигде, но все знают, что он делает все, и его подельники узурпировали право решать вопросы жизни и смерти как отдельных людей, так и целых народов. Война, которая вот-вот обрушится на Сербию — это только их рук дело.

— За все, что они сделали с вами и многими другими, господин Димитриевич и его клика расплатятся по отдельной таксе, ибо все они уже в моих руках, — отрезал я. — Приговор им будет суров, но справедлив, ибо судить их будет король Петр, судом человеческим, и я — от имени своего небесного нанимателя. А теперь о войне, которая вот-вот обрушится на Сербию. Она была задумана не в Белграде, а в Париже, где во вполне демократических правящих кругах имеется консенсус на отвоевание у Германии Эльзаса и Лотарингии. Но в одиночку французам это делать боязно, да и безнадёжно, а потому в Париже приняли решение, что воевать должны все страны сразу. Люди, которых послал в Сараево Димитриевич, только выполнили чужой заказ. Дальше все по цепочке. Австро-Венгрия выдвигает Сербии унижительный ультиматум, и в случае неизбежного отказа с радостью начинает боевые действия. В Вене такого повода поквартироваться за все с упрямыми соседями давно хотели. Российская империя, во исполнение условий сербско-российского союза, объявляет мобилизацию и выдвигает венским деяте-

для требования прекратить боевые действия против Сербии. Собственно, Россия – это единственная страна, у которой нет прямого интереса в общеевропейской войне. Конечно, она не отказалась бы от Черноморских проливов, но о них речь пока не идет, потому что Турция временно находится в положении «вне игры». Зато эта война – точнее, победа в ней – для поправки репутации нужна императору Николаю Второму, репутация которого была изрядно подпорчена русско-японской войной и последовавшей за ней общегражданской смутой, с какого-то перепуга названной «первой русской революцией». Увидев мобилизацию русской императорской армии, Германия, как и предусматривается соглашением о Двойственном союзе, объявляет войну России, и заодно Сербии с Черногорией. Ну, чтобы два раза не вставать. В Германии – ситуация обратная российской: кайзеру война прямо сейчас не нужна, он запланировал ее на восемнадцатый год, когда будет готов флот, способный сокрушить могущество Владычицы Морей. Зато в Берлине война нужна людям, именуемым умным словом «истеблишмент». Германские элиты жаждут сокрушить недобитую сорок пять лет назад Францию, а также отвоевать у России жирные черноземы и богатые рудные шахты Малороссии. Идея «Германия превыше всего», будто убийственная бацилла, уже сидит в немецких головах. И самыми последними, (точнее, предпоследними) в войну вступают главные бенефициары и заказчики этого общеевропейского скандала. Последними, всту-

пившими в войну на первом этапе, будут британцы. Повод они найдут, а интерес у них один – предотвращение увеличения германского морского могущества. На все подготовительные танцы с ужимками и игривыми щипками осталось не более трех недель, а потом начнется.

– Интересный анализ... – хмыкнул в седую лохматую бороду Владан Джоржевич, – но скажите, почему именно три недели, а не больше и не меньше?

– Во-первых, – сказал я, – объявленная в Австро-Венгрии мобилизация требует времени, нападать на Сербию армией мирного времени в австрийском генштабе попросту не готовы. Две Балканские войны дали вашей армии боевой опыт, которого нет у австрийцев. Во-вторых – Франц-Иосиф еще до конца не уверен, что хочет втравить свою страну в большую войну. Все предыдущие войны заканчивались для Австрии поражением, и даже мятеж венгерских гонимых подавляли для него русские солдаты. Теперь французские и британские дипломаты будут уговаривать престарелого императора поскорее объявить войну Сербии, потому что у них есть секретные сведения, что Россия не станет исполнять союзнический договор и в войну не вступит. На самом деле все будет наоборот, но зачем заранее волновать пожилого человека? А в Петербурге в то же время царя Николая будут убеждать в том, что вступить за Сербию необходимо, что французы и англичане – верные союзники русских... А потом в Берлине британские и французские дипломаты будут

клясться, что Франция и Британия ни имеют желания воевать за славянских дикарей, после чего кайзер Вильгельм может без опаски объявлять войну России. Насколько я помню, от первых выстрелов на австро-сербской границе до вступления в войну Британии прошло не больше недели.

– Помните? – удивился мой собеседник. – А как же ваше княжество в шестом веке христианской эры?

– Княжество в шестом веке не отменяет того факта, что мой родной мир расположен на сто лет тому вперед от вашего времени, – парировал я. – Если вы купите дом в Вене, то не станете же от этого австрийцем?

– Да, не стану, – кивнул Владан Джоржевич, озабоченно потирая подбородок. – А теперь позвольте узнать, с кем в этой войне будете вы, господин Серегин – и как русский офицер, и как младший архангел, способный ходить между мирами и сотрясать небо и землю...

– В обеих своих ипостасях я буду в этой войне на стороне Сербии и России, – отчеканил я. – Но главная моя задача – не просто одержать победу над врагом, а сделать так, чтобы в этом мире больше никто и никогда не пытался затевать грандиозных мировых войн. И прочих мерзостей, когда кто-то объявляет свою нацию сверхчеловеками, а всех остальных – недоумками-унтерменшами. Так что забудьте свои идейки о сходстве албанцев и обезьян. Выхлоп от этой идеи может оказаться таким токсичным, что от него отравится вся Сербия. Как я уже говорил господину Джоржи, и ад, и рай люди

творяют на земле своими руками.

В этот момент и королевич Джоржи и Владан Джоржевич посмотрели на меня несколько расширенными глазами.

«Папочка, – беззвучно сказала мне Лилия, – нимб, пожалуйста, спрячь и крылья тоже, а то они у тебя видны уже среди бела дня. Люди пугаются. Они же не знают, что ты у нас добрый и убиваешь только на поле боя...»

«Знают, Лилия, – мысленно вздохнул я, – но не верят. Ладно, постараюсь успокоиться, тем более что мы уже пришли».

Вот она, Площадь Фонтана, и перед входом в Башню Силы – весь наш ареопаг: Дима-Колдун, Птица, Кобра, отец Александр, мисс Зул, полковник Половцев, подполковник Седов, капитан Юрченко, старший лейтенант Антонов, оба моих пажа-адъютанта, а также король Петр, прибывший в мои палестины с краткосрочным визитом. Народа – целая толпа, господин Джорджевич аж оторопел. Хотя, скорее, это реакция на сербского монарха, а не на собравшихся на встречу с ним людей. А король цветет и пахнет. Прошлой ночью мы тихо умыкнули его из спальни, и ночь он провел в ванне с живой водой – и теперь бегаёт как молодой, и усы торчком встали. Собственно, для белградского «общества» состояние короля Петра «живая развалина» секретом не было, и сейчас его бодрый и даже боевитый вид резко диссонировал с той физической формой, в какой он прибывал всего два дня назад. Небо и земля.

Но папенька Джоржи молодец. Сам сошел с крыльца навстречу господину Джоржевичу, подал тому руку и, склонив голову, сказал:

– Господин Джоржевич, во имя благополучия нашей любимой Сербии позвольте мне попросить у вас прощения и заключить с вами мирное соглашение...

Господин Джоржевич зачем-то оглянулся в мою сторону, потом вздохнул, пожал королевскую руку и сказал:

– Мир, Ваше Величество, исключительно ради Сербии и ее народа.

А я поймал направленный на отца взгляд королевича Джоржи, полный гордости, любви и обожания.

– Благодарю вас, господин Серегин, – шепотом сказал он, – мой отец – это все, что у меня есть, и теперь я ваш почкорный слуга.

– Мне не нужны слуги, – так же тихо ответил я, – мне нужны товарищи и соратники. Впереди у нас большое и трудное дело, и ваша помощь будет совсем не лишней. Но предупреждаю, дело легким не будет.

– Согласен на все и сразу, – выдохнул Джоржи, – вы никогда не пожалеете, что сделали меня своим другом.

Не говоря Джоржи более ничего, я подвел своего новоявленного молодого друга к старшему лейтенанту Антонову и произнес:

– Сергей Петрович, вот известный тебе сербский королевич Джоржи. Храбр как лев, зорок как орел... хотя лисья

хитрость, пожалуй, не его достоинство. Прекрасно ездит на лошади, фехтует саблей и стреляет из пистолета. На этом с базовой подготовкой, пожалуй, все. Нужно подобрать инструкторов, чтобы за оставшееся время подтянуть его и его отряд до приемлемых у нас кондиций.

– Отряд? – ошарашенно переспросил Джоржи.

– Да, отряд, – подтвердил я, – первый сербский спецназ. Это должны быть люди в хорошей физической форме, храбрые, с опытом войны в горах и фанатично преданные своей стране, чтобы, когда начнется война, они пили бы австрийскую кровь ведрами. Ну а мы поможем. Дадим хорошего оружия и научим некоторым штучкам из наших времен, когда десяток бойцов способен нанести врагу ущерба как батальоном при поддержке артиллерии, и к тому же уйти от преследования живым. Сможешь набрать роту – будет рота, батальон – батальон, полк – полк. Времени на подготовку в обрез, а потому набирать желательно лучших из лучших. Имей в виду, что тебе ими командовать и вместе с ними идти в бой. А сейчас отдаю тебя в опытные руки поручника Антонова. Он у нас в своем деле лучший из лучших.

Старший лейтенант свистнул и выкрикнул:

– Адрастея, Макария, ко мне...

Ну вот и инструктора – точнее, инструкторши – подошли: стройные, гибкие, опасные, как крупные кошки. Насколько я помню, обе из диких амазонок, обеих вытащили из больших неприятностей, подобрали, обогрели, приняли в

стаю, залечили старые раны. Одним словом, Джоржи ошарашен... но это он напрасно: руки у воительниц цепкие, но зато надежные. А мне пора переходить к политическому балету.

Четверть часа спустя. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы, рабочий кабинет Сергея Сергеевича Серегина.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

– Итак, товарищи и некоторые господа, – сказал я, открывая совещание, – в обозримой краткосрочной перспективе у нас начнется война с Австро-Венгрией. Не сегодня-завтра Вена, поднажившись, выродит итоговую версию ультиматума, после чего Петр Александрович (*сербский король*) и господин Джоржевич начнут тянуть время: с чем-то соглашаться, что-то отвергать, и чем дольше будет продолжаться эта катавасия, тем лучше.

– В первую очередь, – сказал король Петр, – от меня будут требовать выдачи для суда моего сына Александра и господина Димитриевича, названных в числе главных организаторов покушения в Сараево. Но они у вас, а не у меня, и выдавать их австрийцам вы, насколько я понимаю, не собираетесь?

– Да, вы совершенно правы, – ответил я, – выдавать Димитриевича и его поделщиков, а особенно вашего младшего сына, я не собираюсь. Во-первых – много чести, во-вторых –

ваша собственная конституция запрещает выдачу сербских подданных иностранным государствам. Кроме того, мы нацедили с них немало зловонных тайн, и процесс дойки продолжается. Не так ли, товарищ Бергман?

Наш главный начальник служб безопасности бросила тяжелый взгляд в сторону короля Петра и ответила:

– Да, товарищ Серегин, это так. Например, мы теперь точно знаем, что отстранение от власти вашего сына было с самого начала преднамеренной грязной инсценировкой, исполненной по приказу господина Димитриевича. Этот человек заранее решил, кто из ваших сыновей станет в будущем королем Сербии. Он считал, что Александр покладист и будет делать все, что ему скажет руководство организации, но, к их несчастью, он был не старшим, а младшим сыном. И тогда была придумана провокация в стиле господина Дюма с письмом знатной дамы и сплетничающим о нем слугой. Пара пощечин от вашего сына и зверское избиение сапогами в застенках белградской жандармерии. Впрочем, об этом вы могли догадаться сами. Ваш сын Джоржи, конечно, вспыльчив, но отходчив, и в личных конфликтах никогда не переходит грань, отделяющую вспышку ярости от изуверства. Отстрелить папиросу у самых губ нахала он может, а вот хладнокровно всадить ему же две пули в живот – уже нет. И это не единственная такая тайна. Уже сейчас можно сказать, что мировую войну эти господа провоцировали вполне осознанно, ибо не видели другого пути для создания так любезной

им Великой Сербии, простирающейся от предгорий Альп до Пелопоннеса и от Адриатики до карпатских перевалов. Одним словом, эти люди и ненавидели Австро-Венгерскую империю, как вечную угнетательницу вашего славянского племени, и одновременно были очарованы ее надувным величием. Людей, замысливших такое, положено отдавать в психиатрическую клинику под надзор добрых докторов. Специально для вас скажу, что до вполне мирного распада Австро-Венгерской империи по мотиву «мы не хотим так больше жить» осталось всего четыре года. И с любым подобным образованием, не имеющим жесткого национального ядра, будет то же самое. А вас, сербов, для создания такого ядра для всех Балкан очень мало, и удайся вам исполнить хотя бы половину планов, составленных господами Димитриевичем и Пашичем – и вы станете в новосозданном государстве национальным меньшинством. При этом и словенцы, и хорваты, и бошняки, и болгары, как бы вы их ни уговаривали, не будут считать себя сербами, а если дело дойдет до принуждения, то вы столкнетесь с таким же яростным ответом, какой вы сами давали своим угнетателям: туркам и австрийцам.

– Сознательное провоцирование войны – это очень тяжелое обвинение, – сказал сербский король, переглянувшись с Владаном Джоржевичем, – как и преднамеренная узурпация престола. Одно дело, если бы все наши несчастья случились в силу естественного хода вещей, да по неразумию отдельных лиц, и совсем другое, когда все это организовано

преднамеренно. Горе нам, сербам, горе, ибо среди нас завелись беспочвенные фантазеры, готовые убить миллионы людей ради воплощения своих бредней.

– Сейчас уже нет смысла плакать по пролитому молоку, – сказал я, – война неизбежна, и готовиться к ней нужно наилучшим образом. В первую очередь надо отмотилизовать армию, а тех, кто не будет мобилизован, свести в отряды территориальной обороны.

– В первую очередь, – сказала Лилия, привстав на своем стуле, – необходимо наладить способы эвакуации ваших тяжелораненных солдат в наш госпиталь. Здесь методами магии жизни и живой водой мы поднимем на ноги всех до единого, кого доведут к нам живым, а там у вас значительное число ваших соотечественников умрет в страшных мучениях безо всякой пользы. Господин Джоржевич, не торопитесь качать головой. Как только закончится это совещания, я, как коллега коллегу, проведу вас по нашему госпиталю и дам возможность побеседовать с выздоравливающими ранбольшими.

– Да, – подтвердил я, – солдат армии Кутузова, сражавшихся на Бородинском поле, у нас на излечении совсем не осталось, зато достаточно героев обороны Севастополя в Крымскую войну и Порт-Артура в русско-японскую. Те кампании мы отыграли с блеском – не только силой оружия, но и примерами человеколюбия.

– Хорошо, госпожа Лилия и господи Серегин, – немного

подумав, произнес господин Джоржевич, — я принимаю ваше приглашение осмотреть ваш госпиталь. А сейчас, поскольку на руках у нас нет ни одного раненого, нуждающегося в эвакуации, давайте вернемся к обсуждению насущных вопросов.

— Один из самых насущных вопросов, — сказал я, — как предотвратить удар Болгарии в ваш глубокий тыл, который может случиться в среднесрочной перспективе после начала войны. Если бы зло на вас затаил только царь Фердинанд, у которого вы в прошлую войну нагло поперли Македонию, сговорившись об этом с никчемными греками? Нет, на вас зол весь болгарский народ, который в случае войны пойдет на фронт с песнями, а в городах и селах нынешней Вардарской бановины болгарских солдат местное население будет встречать как освободителей. Вы уже идете по тому тернистому пути, о котором совсем недавно говорила товарищ Бергман, и свернуть с него не менее важно, чем отбить наступление австрийцев и не допустить оккупации территории Сербии.

— Отдать Македонию болгарам невысказано, — вздохнул король Петр, — эта земля была полита сербской кровью, и наш народ нас попросту не поймет.

— Кроме всего прочего, — сказал полковник Половцев, — Болгария — это ваша связь с российским союзником, и ее переход в стан открытых врагов станет началом вашего разгрома. Пара месяцев войны против превосходящего во всех от-

ношениях врага, когда ни один участок территории не может считаться надежным тылом – и после ужасающих потерь в две трети армии вы будете вынуждены по горным тропам отступить в сторону Адриатического побережья, откуда вас эвакуируют на остров Корфу корабли англо-французского флота. Четверть спасшихся умрет уже там, от голода и болезней, после чего оставшиеся сербские силы будут переброшены на один из фронтов мировой войны, сражаться за чужие интересы.

– Но вы же, господин Серегин, обещали нам всю возможную помощь в одолении врага?! – вскричал сербский король.

– Да, обещал, – ответил я, – и сделаю для победы все возможное и невозможное, но даже у меня не хватит ресурсов, чтобы выиграть эту битву, как говорится, в лоб. В случае, если Болгария объявит вам войну, придется эвакуировать женщин и детей в безопасное место – не так как в прошлый раз, а моими методами. Одновременно все сербские мужчины должны будут взять в руки оружие и сражаться с врагом методами партизанской войны, чтобы у него земля горела под ногами. И тогда года через два или три, когда Центральные державы рухнут на колени, изнемогая в изнурительной войне с превосходящим врагом, вы получите свою Великую Сербию, залитую кровью по самые колени. Только так, и никак иначе, ибо я своими методами могу истребить царя Фердинанда, его наследников, болгарских политиков-подхалимов и генералов-предателей дела славянского единства, но

я не могу и не хочу планировать истребление всего болгарского народа. Одним словом, ваш сын Александр год-два назад (тоже мне великий полководец) взял чужое, и теперь эту землю следует отдать законному владельцу.

— На первых порах, — громыхающим голосом произнес отец Александр, — вы можете объявить Македонию краем в составе Сербии с широкой автономией, который после войны самоопределится путем проведения плебисцита. Взяв себе земли с чисто сербским населением, вы без особого ущерба отдадите территорию, которая уже сейчас ощущается вами как обуза. И, дети мои, пожалуйста, имейте в сердцах побольше братской любви и поменьше национализма, ибо нет более пагубного чувства, чем это...

— Ну все, — сказал я, — Всевышний устами отца Александра высказал свою точку зрения на проблему, а потому обсуждение прекращается и вопрос переходит в плоскость практической реализации. Со Всемогушим Творцом не спорят, а бегом бросаются исполнять его указания.

12 июля 1914 года, 11:15. Вена, Бельведерский дворец, резиденция наследника престола, жилые апартаменты.

Уже через два дня после покушения врачи, увидев существенные улучшения в состоянии своего августейшего пациента, разрешили перевезти того в Вену. По счастью, ничего не помешало перевозке, никакие лихие люди не взрыва-

ли железнодорожные пути, так что литерный поезд за двое суток кое-как, лишь бы не трясти главного пациента страны, доковылял до стольного города Вены. А там – в Бельведерский дворец набираться сил. Правда, вопреки всем ожиданиям докторов, в ходе перевозки состояние раненого не ухудшилось, как обычно бывает, а только улучшилось. Тем не менее последние десять дней врачи продержали наследника престола на постельном режиме (так сказать, для гарантии), хотя пациент все это время рвался совершать подвиги. Не верилось венским медицинским светилам – людям гораздо более компетентным, чем врачи из Сараевского госпиталя – что заживление серьезной раны может произойти столь быстро, тем более что Франц Фердинанд благоразумно никому не рассказывал о ночном визите Артанского князя и его присных. «Ой-вэй, – говорили доктора, – этого не может быть, потому что не может быть никогда».

И вот сегодня профессора от медицины сделали своему пациенту послабление – разрешили вставать с постели и принимать посетителей, только пока не в мундире и сапогах, как подобает офицеру, а в халате и тапочках, как какому-то сибариту, – но и это уже был прогресс. Первым на прием к выздоравливающему наследнику престола записался его протеже, начальник генерального штаба австрийской (имперской) армии генерал-полковник Франц Конрад фон Хётцендорф.

– Мой добрый Франц, как я рад тебя видеть! – обрадовался эрцгерцог при виде входящего генерала. – Какая судьба

занесла тебя в мою обитель, пропахшую лекарствами и карболовой кислотой, будто какой госпиталь?

– Я, Ваше Высочество, зашел узнать как ваше здоровье, – ответил тот, – и выразить соболезнования в связи со злодейским покушением на вашу персону.

Эрцгерцог искоса посмотрел на своего собеседника и хмыкнул.

– Знаешь, мой добрый Франц, – сказал наследник престола, – если бы не один странный господин, Сергей, сын Сергея из рода Сергиев, называющий себя Божьим Посланцем и младшим архангелом, то я, скорее всего, сейчас уже лежал бы в могиле. В таком случае свои соболезнования ты выражал бы уже моему дяде, потому что и Софи тоже покоилась бы рядом со мной.

Генерал-полковник обалдело посмотрел на своего собеседника.

– Я вас не понимаю, Ваше Высочество... – растеряно произнес он.

– Этот господин, – задумчиво проговорил эрцгерцог, закинув ногу на ногу, – посетил меня на следующую ночь после покушения. В госпитале все спали, и даже моя сиделка, женщина чрезвычайно ответственная, уснула и не проснулась, даже свалившись с табурета. Но самое интересное не в этом. Находясь под действием лауданума (*настойка опия на спирту*), я тоже проснулся далеко не сразу, а потому не видел, каким образом этот господин и его спутники оказались

в моей палате. Из-за этого сначала я воспринял господина Сергия как обычного мошенника, каким-то хитрым образом проникшего к раненому наследнику престола двуединой монархии, чтобы втереться к нему в доверие... Но потом я менял свое мнение.

– Отчего же, позвольте узнать? – поинтересовался генерал-полковник фон Хётцендорф.

– Я не видел, как они пришли, – хмыкнул Франц Фердинанд, – зато собственными глазами наблюдал их уход. Прямо в воздухе открылась дверь, ведущая в какое-то другое место – не в соседнюю комнату и не на улицу, а в какой-то другой мир, где над горным хребтом занималась заря нового дня. Оттуда на меня пахло запахом церковных фимиамов, а также ощущением чего-то таинственного и несбыточного, чего уже нет в нашем мире, пораженном рационализмом и скептицизмом. Спутники господина Сергия ушли туда, на улицы города, освещенные яркими фонарями, а он сам немного задержался, чтобы представиться и провести со мной краткую беседу. Очевидно, он знаток человеческих душ – потому что четко понимал, когда я не верил ни одному его слову, а когда стал готов воспринимать преподаваемые мне истины...

– И какие же истины, Ваше Высочество, преподавал вам сей таинственный господин, бродящий между мирами как между спальней и ватерклозетом в своем доме? – скептически поинтересовался генерал-полковник фон Хётцендорф. –

Или, может, это страшная тайна, какую положено знать только посвященным?

– Это действительно тайна, – подтвердил Франц Фердинанд, – но вам ее знать не только можно, но и нужно. А то по незнанию наделаете непоправимых глупостей, за которые вам потом будет не только стыдно, но и больно.

– Так, а вот это уже интересно... – произнес фон Хётцендорф, – я вас внимательно слушаю.

– Истина первая, – сказал эрцгерцог, – большая война в Европе, в которой в смертельной схватке сцепятся страны Центральных держав и Антанты, начнется в сроки до тридцатого сентября включительно. Признаком тому служит новый закон о военной службе, принятый французами год назад. Один возраст задержали в строю, два сразу призвали, что дало удвоение армии мирного времени. Первого октября, если не случится войны, самый старший из четырех возрастов должен быть подвергнут демобилизации, что лишает эту затею смысла. Отсюда вывод, что в течение трех месяцев Франция собирается сцепиться с Германией за обладание Эльзасом и Лотарингией.

– А при чем тут мы? – спросил генерал-полковник фон Хётцендорф. – Где Париж, а где Вена?

– Сейчас объясню, – кивнул эрцгерцог. – Все дело в том, что франко-русский и франко-британский союзные договора устроены совсем не так, как наш Двойственный Союз. Немцы поддержат нас в любом случае, даже если мы сами

будем нападающей стороной, а вот если Франция нападет на Германию, то русские и британские солдаты останутся в своих казармах, ибо договоры внутри Антанты сугубо оборонительные. Поэтому Парижу требуется, чтобы Германия напала либо непосредственно на Францию, либо на Россию, после чего французы получают себе замечательного союзника, способного давить на пруссаков с мощью парового катка и отвлекать на себя ровно половину германской армии. Но вся загвоздка в том, что прямо сейчас кайзер Вильгельм нападать ни на кого не собирается. Он хочет сначала достроить Флот Открытого Моря, который сокрушит на морях британское могущество, и только потом начинать воевать. Вступить в войну с Российской империей Германия может только в том случае, если та объявит мобилизацию или нападет на нашу Двуетную монархию. Русским сейчас тоже нападать на кого-либо не с руки: перевооружение их армии еще не закончено, новые линкоры стоят у достроечных стенок, поэтому совершить что-то подобное они могут только если им потребуется выручать из беды своих союзников, то есть сербов. При этом Сербия связана с Францией даже больше, чем с Россией. На Балканах все продается и все покупается, включая вопросы войны и мира, а деньги у французов есть...

Тут начальник австрийского генерального штаба длинно и грязно выругался с применением обценной лексики гвардейских казарм. Франц Фердинанд дождался, пока его гость отведет душу, и добавил:

– Кстати, информация о том, что решение о подготовке покушения на мою особу принимал, в числе прочих, сербский принц Александр, поступила как раз от господина Сергея, и, судя по поведению сербской стороны, она совершенно достоверна. Но это далеко еще не все истины. Истина вторая – о подготовке покушения на мою особу знали не только в Париже и Белграде, но и в Вене с Берлином. Как выразился господин Сергей, в прошлой жизни офицер русской военной разведки, все было исполнено в любимом французском стиле «тихо и незаметно ползет слон по посудной лавке». Террористов, швырявших в меня бомбы и стрелявших из пистолета, собрали на совещание, и не где-нибудь в Сербии, а в Тулоне – наверняка потому, что их должен был инструктировать большой чин из Второго Бюро, которому неместно покидать границы Французской республики. И в нашей, и в германской разведке есть люди, обязанные отслеживать подобные встречи, особенно если в них участвует такая одиозная фигура, как майор Танкосич. Мы особо внимательно следим за сербами (которым мало ли что может прийти в голову), а германцы – за лягушатниками. Уже потом, вспоминая события того дня, я понял, что граф Поттиорек делал все возможное не для обеспечения моей безопасности, а для того, чтобы сделать из моей особы наиболее удобную мишень. Господин Сергей вскользь упомянул имя принца Монтенуово, но мне показалось, что он осведомлен о нашей вражде намного больше среднего обывателя. А теперь, мой добрый

Франц, я хотел бы знать, имели ли место донесения нашей агентуры о встрече террористов в Тулоне и прочей подготовке покушения на мою особу, и если имели, то кто приказал положить их под сукно...

– Я непременно выполняю вашу просьбу, экселенц! – отрубил генерал-полковник фон Хётцендорф. – Если такой факт имел место, то тот, кто это совершил, будет обвинен в соучастии в покушении на особу правящего дома и повешен за это преступление высоко и коротко.

– Не надо никого вешать, – поморщился Франц Фердинанд, – по крайней мере, пока. Просто возьми этого человека под колпак, и он приведет тебя в самую сердцевину заговора. Извини, мой добрый Франц, но, кроме тебя, мне просто не к кому обратиться. А теперь давай продолжим разговор об истинах. Истина третья – войну, задуманную французами, невозможно отменить. Даже в Германии кайзер войны не хочет, а его ближайшее окружение, строго наоборот, надеется молниеносными ударами разгромить Францию и Россию, ужасно прославившись и обогатившись. Более того, с началом боевых действий угроза моей жизни снижается до нуля, поскольку французам я буду уже не интересен, а наши венские интриганы все свои преступления предпочитают совершать чужими руками. Истина четвертая – едва начнутся боевые действия, как господин Сергей займет в войне сторону русских и сербов, что сделает нас его врагами, а его – нашим врагом. Но поскольку я ему лично симпатичен, он,

пока еще ничего не началось, предложил мне выбрать два варианта способов ведения войны. В первом из них мы соблюдаем некие правила, в основном в отношении мирного невоюющего населения и военнопленных, а он, со своей стороны, ведет войну почти как обычно. Во втором же варианте, если наша армия поведет себя как англичане в Трансваале, он будет воевать не как обычно, а во всю силу, с применение всех возможностей воинствующего архангела. Серую солдатскую скотинку он истреблять не любит, поэтому весь удар в таких случаях придется на генералов, отдавших преступные приказы.

– А если это блеф? – спросил Франц Конрад фон Хётцендорф.

– А вот для того, чтобы убедиться, что это не блеф, – сказал эрцгерцог, доставая из кармана халата нечто вроде игровой карты, – мы сейчас с тобой направимся с визитом в царство господина Сергия. Одна нога здесь, другая там... Крепись, мой добрый Франц, ты же храбрый человек!

Шестьсот пятьдесят девятый день в мире Содома, около полудня. Зброшенный город в Высоком Лесу, Башня Силы.

Один шаг из гостиной в Бельведерском дворце – и эрцгерцог Франц Фердинанд и начальник генерального штаба австро-венгерской армии Франц Конрад фон Хётцендорф переместились в рабочий кабинет Артанского князя. Сделано

это было из уважения к раненому, которому было неудобно появляться под открытым небом в домашнем халате и шлепанцах на босу ногу.

– Добрый день, господа, – на тевтонской версии немецкого языка поприветствовал гостей Серегин, – я рад, что вы воспользовались моим приглашением провести предвоенные переговоры о том, что вам на поле боя и в тылу будет делать можно и что категорически нежелательно.

– А почему бы вам, – взял на себя инициативу в разговоре генерал-полковник фон Хётцендорф, – если вы уж такой могущественный, как рассказывал Его Высочество, не побить нас сразу и окончательно, поставив точку в войне, о предстоящем начале которой вы так сожалеете?

– Против такого лобового решения возражает мой Генеральный Заказчик, – улыбнулся Артанский князь, – да я и сам не любитель таких эскапад. Достигнутый таким образом результат будет крайне неустойчив, и впоследствии потребует постоянного контроля над вашим миром. Если говорить аллегорически, то известны случаи, когда маленькие люди по случаю покупали лотерейный билет за несколько геллеров, и неожиданно для себя выигрывали несколько миллионов крон, но каждый раз нежданно обретенное богатство спускалось в прорву путем совершения различных актов безумства и расточительности. И в то же время большие деньги, заработанные с помощью таланта и трудолюбия (пусть даже если дело начиналось в каретном сарае с одним

или двумя помощниками), почти всегда остаются при своих владельцах, закладывая основу для новых династий миллионеров и миллиардеров. То, что дается легко, так же легко может быть потеряно, а нам с Творцом такого результата не надо. Вот если бы мир уже погряз в затяжной кровавой войне, первоначальные цели которой уже забыты людьми, и все хотят только определенности – вот тогда быстрое решение имело бы право на осуществление. Сейчас все совсем наоборот: всем в Европе кажется, что они сейчас быстро победят всех своих врагов и достигнут желаемых целей, но на самом деле это не так. Настоящие победители в этой войне окажутся неожиданны и очень страшны. Один из них напугает весь мир в краткосрочной перспективе, а другой через сто лет разовьется в монстра, поставившего вопрос о конце человеческой истории. Хотите верьте, хотите нет, но это так.

– Так чего же вы хотите от нас сейчас? – удивился генерал-полковник фон Хётцендорф, в то время как Франц Фердинанд загадочно улыбнулся.

– Сейчас я хочу очертить вам края допустимого в ходе развязываемой в настоящий момент войны, – хмыкнул Артанский князь, – а также продемонстрировать, что обрушится на ваши головы в случае нарушения предъявленных кондиций. Я буду жестоко карать за случаи расстрелов пленных, или если безоружных людей – неважно, пленных или некомбатантов – погонят в атаку впереди атакующих войск, чтобы укрыть их от пулеметного огня. А если кто из вас и ва-

ших подчиненных отдаст приказ истреблять мирное сербское и русинское население, а также сгонять представителей «неправильных» национальностей в концлагеря – пусть он заранее начнет сожалеть о том, что родился на свет, потому что ад для него начнется при жизни. А если такие негативные явления будут достаточно массовыми, идущими из глубины озверевших народных масс, разогретых националистической пропагандой, то я плюну на некоторые принципы гуманизма и применю против вас запредельную мощь, припасенную для более поздних времен. Там, сто лет тому вперед и позднее, нынешние пороки общества закоснеют и, можно даже сказать, закостенеют, и вместо скальпеля при хирургической операции придется использовать топор. А сейчас – идемте!

– Но как же я пойду? – развел руками Франц Фердинанд. – В тапочках и домашнем халате? Если бы я позвал слуг, чтобы переодеться, то случился бы грандиозный скандал. Софи стеной встала бы передо мной, если бы я только заикнулся о том, что хочу совершить к вам неофициальный визит. Я имел глупость рассказать ей о том ночном разговоре, и теперь она вас ужасно боится, называя Предвестником Апокалипсиса.

– Предвестником Апокалипсиса был стрелявший в вас Гаврила Принцип, – с мрачным видом произнес Серегин, – а причиной случившегося кошмара – безумие европейских элит, решивших переделить мир. Моя задача – ограничить

этот пожар определенными рамками, а потом затоптать угли, не допустив рецидивов. А вопрос с вашей экипировкой мы сейчас решим.

Артанский князь хлопнул в ладоши и провозгласил: «Обмундирование для эрцгерцога Франца Фердинанда!» И тут же по воздуху понеслись штаны, сапоги и запахивающаяся куртка-пончо с одним (левым) рукавом, которую так удобно носить, когда раненая рука висит на перевязи. На самом деле эти вещи, изготовленные точно по мерке гостя, являлись овеществленными заклинаниями, самой энергоемкой разновидностью магии, но Дух Города, сидящий верхом на Источнике всей местной Магии энергетические затраты привык игнорировать. Невидимые руки сняли с эрцгерцога халат, и начался тот ритуал полудобровольного раздевания-одевания, что обычно так пугает непривычных к таким штукам гостей Тридесятого царства. И вот все готово: Франц Фердинанд притопывает удивительными сапогами, пришедшими-ся точно по мерке, и спрашивает:

– Господин Сергей, а что это было?

– Это были невидимые слуги, надевшие на вас магически изготовленную одежду, – ответил тот. – Они оказывают различные услуги хозяевам этого места, но при этом не подглядывают, не подслушивают и не сплетничают о том, что увидели или услышали. А сейчас идемте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.